

25-го марта 1930 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 3-ий

54 ✓

25-го березня 1930 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 3-ий

Л. С. ДИМИТРИЙЕВ

СОДЕРЖАНИЕ.

1. *Любовь Самсонова*: Рыдальная.
2. *Ис. Быкадоров*: Донской казак — Тимофей Разин.
3. *Б. Кундрюцков*: Цаган-Сара.

4. Иосиф Пилсудский.
5. Инж. *В. Бейсуг*: „Пятилетка“ у нас.
6. *М. Бытыньский*: Национальные цвета и флаги.
7. *П. И. Кокунько*: Войсковой старшина Ярошевич.
8. *В. П. Елисеев*: (В. Петров). Разные мнения.
9. *С. Балыков*: К годовщине кончины Юрия Федор. Гончарова.
10. Думы и мысли.
11. Казачья пресса.
12. Казачья эмиграция.
13. В Казачьих Землях.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Польша. — А. Ж. — Получено. Привет.
Франция. — И. С. — Получено. Спасибо. Ответ будет. Привет.
Чехия. — С. М. — Будет посылаться. Привет.
Франция. — С. М. — Получено. Спасибо. Привет.
Моравия. — Е. Т. — Получено. Хорошо. Привет.
Югославия. — Г. А. — Получено. Привет.
Белград. — Б. К. — Получено. Привет.
Обреновац. — Д. Б. — Журнал вам посылался и посылается. Не знаем, почему вы его не получаете. Привет.
Югославия. — Д. П. — Все сделано. Привет.
Румыния. — В. Е. — Получено. Ответ будет. Привет.
Югославия. — А. Г. — „Пластуны“ получены. Привет.

Перу. — И. П. — Получено. Привет всем „перуанцам“.
Югославия. — А. П. — Получено. Ответ будет. Привет.
Париж. — Е. Я. — Все хорошо. Привет.
Франция. — А. Л. — Письмо В. получено. Ответ будет. Привет.
Польша. — В. Е. — Получено. Ответ будет. Привет.
Франция. — П. С. — Спасибо. Привет.
Калмыкам в Десине и Эшероле, получавшим журнал „В. К.“, сообщается, что, для удешевления пересылки, прекращается высылка журнала по одиночным адресам и будет высылаться достаточное количество представителям г. г. Аршинову в Десине и Сасыкову в Эшероле, от которых и прошу получать впредь свой журнал. Секр. Редакции.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ПОДЕБРАДАХ: Ф. М. Штовхань.

В БОЛГАРИИ:

Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи-Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асенъ, 20.

А. Шапошников. Сливен.

Санжа Мукукенов (для калмыков). София, кв. Хаджи-Димитров, ул. Вомбри, 24.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15.

Ф. Г. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“.

А. П. Чорный — А. Cornu. Drvar, Vrbaska Ban.

А. А. Гейман. Зајечар.

Г. В. Алферов — Tomaševac (Banat).

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В О Ф Р А Н Ц И И:

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff). Le Grillon, Cagnes s/m, France.

С. Б. Аршинов (район Лиона). M-eur Archinoff, Maison Bel-air, 22, à Décines.

С. К. Поляков. — M-eur Polakoff, Rombas.

Е. М. Якименко. M-eur Jakimenko, 44, rue Rouelle, Paris (15).

Т. К. Хоруженко. M-eur Horouchenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

К. Ш. Сасыков (район Гренобля). M-eur Sassykoff, Cite Viscose, b-t 505, Echerelle, Pont de Claix.

С. И. Шепель. — M-eur Shepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

В ПОЛЬШЕ:

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, Strażacka, 3.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

— LES COSAQUES LIBRES —

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Бильй.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

№ 54

Прага, вторник 25-го марта 1930 г.

№ 51

Любовь Самсонова. (Прага).

РЫДАЛЬНАЯ.

Я тебя провожала
Раннею зарею,
Я тебя оплетала
Русою косою.
За рекою, за Доном,
Татаров орда...
Сердечушко стонет —
Никогда, никогда!
Я об стремянцо билась
Победной головой;
А сердце просилось —
Хоть на смерть, да с тобой!
Я слезами мочила
Твой дедовский меч,
А в сердце томилось:
В бою ему лечь!
Сверкали шеломы,
Коней не сдержать...
И кликом вороньим: —
Во век не видать!
Пылью веют конские гривы...
Боже, сотвори великое Диво!
Боже, сотвори великую благодать...
Еще хоть разочек его увидеть...

Бреду по тропинке,
Десять трав собираю:
Пред каждой травинкой
Колени преклоняю.
Травы серебрятся,
Травы росяные —
Один раз лишь снятся
Нам сны золотые.
Один раз лишь бьется
Сердце огневое...
Кто от сна проснется —
Тому горе злое!
Кто кругом оглянется,
Как один останется: —

Лучше в омут ринуться,
Чем от сна прокинуться,
Сердцу оборваться,
Чем с тобой расстаться!..
Травы собираю,
Травы наговорные;
Мысли отгоняю,
Думушки упорные...

Я совью венок из трав,
Перевью их слезыньками,
Я пойду на черный став
К беленьким березынькам.
Стану на тугой песок,
Венок в воду кину;
Скину с тела поясок
На иву накину.
Ты веночек мой плыви —
Куда волны бросят,
Грусть тоску с собой возьми —
Мне самой не сбросить.

Плыви мой веночек,
На синее море,
Заплету в кружочек
Девичие горе.
Девичие горе,
Девичью кручину
Потопи ты в море,
В черную пучину...
Я заплачу над водой
Полуночной птицей
Век мне вековать, знать, свой
Горькою черницей.
Тяжелей свинца ко дну
Венок в воду канет...
Сердце чуяло судьбу,
Сердце не обманет...

Ис. Быкадоров.

Донской казак — Тимофей Разин.

(Сказы про старобытье казачье).

(Продолжение)

Сказ 6.

Какое диво заморское везло с собой из Царя-города посольство московское.

Была на стане у посла московского турецкая девица, вез он ее из Царя-города. По-басурмански звалась она Фатимой, а посол и люди его посольские звали ее — Феклою, знать, краше были им имена свои, московские. Баяли они казакам, что за казну не малую, почитай что и не бывалую, купил ее посол у турецкого паши-визиря.*) А какого она роду-племени, то не ведали. Сказывали де дьяку люди турецкие, была взята она в полон в годы свои малые в землю турецкую, а из какой, то не открылося, сказывали, что забылося.

А была она роду княжеского. А при султанском дворе, в серале по ихнему, обучалась она женскому вежеству, обхождению ласковому да пляскам всяческим. И пожаловал ею султан своего пашу-визиря — „за многие ему службы верные“, а было то по речам дьяческим незадолго посольства пред отбытием. Осерчал ли сам паша на ту девицу, жена ли старшая на нее „взлекалася“, иль причина иная с пашею сталася, но продал он ее послу московскому; дьяк де и самолично толмач видал, какую казну великую посол паше за нее отдал.

А после пира-чествования сам московский посол так о турецкой девице атаманам сказывал. Восхотел де он, посол, спасти душу басурманскую от погибели, от горения после смерти в котле со смолой в геене огненной. Дала де басурманка обет ему, обещание принять крещение, в Москву по прибытии, да и от пострига она де ему не „зарекалася“. Потому и отдал он за нее казну не малую, чтоб в веру христианскую обратить ее душу басурманскую, и совершить тем дело богоугодное. Затем де и везет он ее в Москву Православную. Посол сказывал, а дьяк ему все подкаивал.

А из турецких посольских людей, есаулом войсковым человек „прикормленный“ в пору ж ту по иному про то сказывал: — „Замыслил турецкий султан казаков с Дона сбить за досады от них его Азов-городу, за походы их на море Синее, за городов его там разорения и ради для совершения того своего умышления, послал посла своего просить помочи у царя московского иль того хоть, чтоб сам он ее казакам донским не оказывал — не посылал бы им ни хлебной ни пороховой казны“, — турецкий человек все то есаулу сказывал.

А человек тот был тайный толмач паши-визиря, по-казачьи молвил как по своему, да то не токмо послу московскому и людям его, а и послу турецкому было неведомо. Был он у паши верным, человеком своим, и послал он его в посольстве за турецким послом тайно проведывать, не прикормился ли он московским царем да и о делах московских все выведывать.

И поведал есаулу Мурат, что самолично слышал, как визирь-паша султану сказал: — „А как собьем казаков с Дон: с московской помощью, то и откроются нам пути к царству Астраханскому да и Казанскому и чинить препоны к нашему владетельству ими, уже будет некому. Вера в царствах тех, ведь, наша магометанская, и будет та земля не царя московского, а султанская, а владетельству нашему ему не воспрепятствовать. А покель „злые камышники“**) владеют Доном рекой на пути к царствам тем у нас стоит стена

*) Паша-визирь, великий визирь был главой турецкого правительства, или дивана.

**) Турки называли донских казаков в XVII в. злыми камышниками. Основанием послужило, вероятно, то, что во время морских поисков они скрывались в камышах побережья и то, что у бортов их стругов имелись камышковые тугие снопы для увеличения устойчивости во время бури и как защита от пуль.

несокрушимая. С людьми царств тех сила ратная у нас бы прибавилась, враз бы „замирился“ кизильбашский султан, иль польский король, ежели б с нашей силой ратной она бы нами на них направилась. Да ничего над врагами не измыслить нам, пока разгрому мы не учиним казакам“.

Переглядел султан пляски девиц двора своего, гарема по турецкому, и выбрал он из них красавицу и плясунью первую, и пожаловал ею посла московского, чтоб чинил он помочь послу султанского величества во всех делах его и замышлениях. А дар Фатимы султаном паше-визирю и продажа тем послу московскому совершены были для отвода глаз и московским посольским людям совершено было то всем напоказ, по замыслу посла московского, чтоб за прикорм какой напрасины иль нареkania на него в земле его не случилось, какой ябеды царю от злых его завистников не учинилось.

И поведал паки есаулу Мурат, что молвит ему все он не из корысти, а как родный брат, как увидел он на Дону житье казачье, то оно ему и полюбилося, — что на свете белом такое может быть, ему и не снилося; хочет сослужить де он службу Войску Славному, чтоб в казаки донские его принял. А как стал турецкий молодец про Глашу, ясыркину дочь, есаула выпрашивать, то причина тому и открылася, что казачка вольная, боле еще, чем казачья жизнь Мурату полюбилась.

Собрались атаманы на совет погутарить-побеседовать о „вестях“ есаулом у Мурата добытых и стало ясно всем: московский посол султаном человек прикормленный. И порешили атаманы для провожания посольств в Москву станицу послать, а человеку турецкому „наказать“, чтоб проведывал о злоумышлениях посла турецкого и московских бояр и обо всем атаману бы „переказывал“, а что с ним он знается ни турецким ни московским людям некоторому того б не оказывал. А есаулу передать было велено — чтобы ведал Мурат, как будет посольство турецкое вертаться назад, то на Дону казаком он и останется, и ежели Глаше он полюбится, то уж дело его, то она ему и достанется.

А о том, как против своих недругов атаманы донские ратоборствовать замыслили, какие против злоумышлений их чинить порешили свои „умыслы“, иноземным послам осталось то неведомым — тум, иль людей прикормленных средь казаков донских в те поры еще не водилося. Да и своим молодцам*) о всем порешили поведать „во сиевременно“: опасались атаманы — как бы они на посла турецкого и московского не в меру бы не осерчали, и по присуду казачьему „в куль да в воду“ бы их не посажали.

Сказ 7.

Как сучили посол с дьяком леску по московскому и какую придумали они приманочку, чтоб рыбка донская на нее взялася, а взявшись, с леской не оборвалася.

Придумал посол с дьяком своим на донского пельника приманочку особую. Стал дьяк Фатиме через толмача шептать, наказывать, чтоб была она с ним поприветливей, поласковей, а в обхождении с ним была б пообходительней.

Стала Фатима бывать и в городке Черкасском: разодевшись в кисею да шелка разноцветные, золотыми назапастыницами да жемчугами с самоцветными камнями приукрасившись. Будто как в станицу татарскую в

*) Молодец — тождественно слову казак, рыцарь. Донские казаки Запорожских называли лыцарями, а те их атаманами-молодцами. Главное Войско, когда писало городкам, или Войску Терскому и Яицкому называло казаков — молодцами.

модельно-мечеть она хаживала, да „гостинцы“ на базаре у торговых московских людей себе все приискивала. На майдане у „лавки“ с атаманской дочерью Наталиею как-то она повстречалась, и „кажная“ из них друг дружкой залюбовалась.

В годы минувшие и казачки иные шальвары нашивали, бывала и другая турецкая одежда на них, а хоронить за чадрой ликов своих — на Дону не водилося. Потому и на Фатиме ее не было, была б непригожа повадка та, в Черкасском она б не годилась. И видя турецкой девицы лик, любовались все ей — и молодой и старик, и девица, и бабка престарелая.

Была на Казачьем Острове и своя краса писаная. А какая из них краше была: Фатима ль, девица чужеземная, басурманская, иль своя казачка вольная, Наталья, дочь атаманская — некоторому не сказать было того по своей совести. Была краса писаная из них „кажная“ хоть была у них краса и разная.

Любы всем зорька утренняя и заря вечерняя, а разделяют их яркий день и ночь темная. Любы всем зимние и летние ясные дни, а меж них долгие и морозы лютые и жары знойные. Казачку ж вольную и турецкую девицу разделяло того большее: были разной веры они и роду-племени; и обычаи и повадки у них были разные, а все ж были „любые“ они всем, а какая из них краше была, то речи праздные. Любы всем цветы вешние, где б не возросли они — в темной дубравушке, иль в привольной степи, в зеленой травушке.

Взялся Тимоша по наущению боярскому обучать Фатиму песнопению. Сказывал посол донскому молодцу — как примет де она пострижение, будет оно во благо ей, душе ее во спасение, а наперед того, чтоб попривыкла к речи молодца, песни казачьей обучить ее ему он „присоветовал“. Филя за толмача у них стал, речь турецкую, как свою он знал, потому мать его была „туркиною“; да Фатима и сама умела гутарить по казачьему, при султанском дворе она ей научилась от подружки своей русской девицы, а от посла же с дьяком она в том „потаилась“.

А московский посол у шатра все прохаживает, борюду свою все поглаживает, утешаясь, над песнопением Феклы потешаясь, и про себя все приговаривает: „На приманочку такую, как уж не пойти, как на нее не взяться, лучшей не найти; леске, мною ссученой, ввек не оборваться“.

Сидел посол ввечеру в шатре, донских молодцев медами чествуя; разошелся посол — попотчивали „романеей“.*) И стал он сказывать им про окаянства басурманские, каких видом-не-видать и слыхом-не-слыхать в православном граде Москве, да и во всей московской земле. А чтоб уверились, знать, самолично они удостоверились, через толмача Фатиме и наказал — показать пляску свою донским молодцам. — „Самолично вы повидаете, — молвил посол молодцам, — чему турецкие девицы обучаются, чем паши окаянные, да и сам султан потешаются; сами вы узнаете, что у них завелось вместо постов с поклонами и всего богоугодия московского.“

Ну, да и плясала же турецкая девица, да и потешила ж пляской своей донских молодцев. Филя сидел, не сморгнувши глядел, и дышать перестал. А в чем, иль без чего плясала, и как? Того на своем веку во время оное не видал еще ни единый казак. Да что о том и сказывать, что самому видать надобно — обычаи ныне уже не таковские, какие были в пору ту, пляшут девицы так теперь уже и московские... Плясала турецкая девица, а посол глаз не сводил с Тимоши, донского молодца.

А после того он его соблазнять, уговаривать еще более стал, как лукавый бес, сила дьявольская, в стольный град Москву с собою его звал. Сулил боярин Фатиму ему в жены отдать по принятии ею крещения, ежели в Москву он с ним отправится, и с житьем казачьим своим он расстанется.

— „В Москве у нас, — сказывал посол донскому молодцу, — обычаи не абы какие, не ваши не казачьи, а наши — московские, русачьи: „хоромы“ у нас крепчай монастырских стен у мужа доброго для жены его;

обретет Фекла живота своего спасение, хоть и не совершится ее пострижение.“

Пристал к молодцу и „настырливый“ дьяк, ровно банный лист, иль смола липучая, с соблазнами своими да уговорами. А молодец, их речи слушая, не отнекивается и не придакивает, посмеивается да усы покрывает.

Не один день, после пляски турецкой девицы, а три уже миновались, а песни молодца со стана посольского неслись еще, раздавались.

Сказ 8.

Ершем донская рыбка оказалась — на приманку не пошла, на нее не взялася.

Был Филя, как и Тимоша, сиротой. Из родичей была у него всего лишь тетка родная, Скуритиха Дарья Семеновна, в городке Маньцком жила „на выданы“; да „сестра крестовая“ атаманская дочь, Наталья Епифановна.

С Тимошей Филя были друзьями неразлучными, закадычными: вместе выросли, были станинниками и односумами**.*) Жили-поживали в одном бессемейном курене,**) они, делась друг с другом „кресалом и мусалом“***) и последней денежкой, вместе проводили свои и ночи и дни.

Остались молодцы в курене одни: братья вся на рыбный лов на Лебяжье озеро отпраивались. И молит Филя другу своему закадычному: — „И чего ты, Тимоша, и впрямь в Москву с послом не отправишься? Захудал, видать, ты на Тихом Дону, а на московских хлебах, враз поправишься. Отрастишь ты там себе патлы поповские, отпустишь козлинную бороду и станешь дивомдивным Москве, стольному городу. А как будешь ты в граде совсем человеком своим, не позабудь перекинуться... с другом... другом... бывшим твоим. Не забудь исполнить мою просьбицу...“

— „Ну, сказывай, какая-б была она у тебя?“ — молвит ему Тимоша, усмехнувшись, ликом своим к нему повернувшись.

— „Да не велика она у меня: дай лишь знать, где тебя в Москве мне искать. Уж доберусь я „туды“ взглянуть на тебя, песельника нашего знатного, какой ты „чучелой“ стал, да чтоб увериться в том, что воистину не чучело, а тебя я видал, придется не раз чучелу туда-сюда рыло свернуть.“

Да уж потешусь я, каким ты боярским холопом, иль церковным служком стал, в какого обернулся ты туму-изменщика Войска нашего, как и Дон повелся, кокого некоторый еще из казаков не видал“.

Метнул Тимоша очами на друга своего неразлучного, да и стукнул еще при том кулаком по столу. Посулил Филе голову саблей снести, ежели такие речи дерзкие, откажется он еще ему плести. Да Филя и сам не „пужливым“ молодцем был, посмеялся, покачал головой своей на угрозы Тимошины, и молвил ему:

— „Ежели не по нраву тебе речь моя приходится, и иная для тебя у меня находится. Что ж ты, истукан что ли, что на Бабском кургане стоишь, ничего не видишь, как тот, хоть не закрывая глаз он глядит? Не ведомо тебе, как горюет она, убивается; лишь по своей гордости да по чести девицей от тебя, идола, да и от всех людей в горести своей она скрывается. Ведает добре она, как на стане ты у посла „прохлаждаешься“, как бес, перед турецкой девицей ты крутишься, увиваешься... Рवेशь-разрываешь в куски сердце девице... Истукан ты, баба каменная! Что ж тебе... песельнику нашему знатному... то не ведомо: ежели лебедушка, почитай что, в руках у охотничка, так на журавушку,

*) Односумами назывались казаки, связанные интересами общего довольствия, одной артели.

***) В каждом городке были бессемейные курени, в Нижнем (или Монастырском) были курени исключительно из бессемейных казаков.

****) Кресало — кремь для высекания огня; мусало, или мусат — обделанный кусок стали, или железа для той же цели; „кресало и мусало“ — все принадлежности для высекания огня, считая и трут.

*) Романья — шампанское вино.

ему неча „зариться“... — Подошел Филя в упор к Тимоше и молвил ему... — Не „замай“ мою журавушку, тебе сказываю — добычь то не твоя, знай свою лебедушку... Неча тебе на стане прохлаждаться и с послом московским воловодиться, а перед журавушкой, ровно глухарь на току, свои перья неча растопыривать. Погонисься, тебе сказываю, — не утонишься, погубишь и лебедушку“.

— „Да ты о чем и к чему речи свои сказываешь? молвит Тимоша своему станишнику.

— „О том самом, о чем тебе лучше моего ведать надобно. А разжевывать — я не нянька тебе, а ты не дитё малое. Ведал бы ты все, ежели б совесть свою ты на стане не потерял, да глаз своих, как глухарь на току ты не „зажмурил“. А сказывал то Филя ликом разрумянясь и будто как в знобу весь дрожал, николи таким односум еще его не видал. Снял Филя шапочку свою „курпейную“*) с крюка и, боле слова не промолвивши, из куреня вышел вон, дверь хлопнувши.

А Тимоша по горнице стал прохаживаться, вслух приговаривая: — „Эх, да и проучил б я тебя, хоть станишник и односум ты мне, за речи твои, речи дерзкие, не подобные. Ишь, черт помыслил что и другом еще называется — покину де я Тихий Дон Батюшку, в Москву де я тумой перекинуся...

Да прощаю я тебя, „неука“,**) не для ради с тобой дружбы моей, а ради Наташеньки, крестовой сестры твоей. Полюбилась, Филя, Фатима тебе, и потерял ты свою головушку, и как бирюк в злобе на друга верно-го своего ошетинился“.

Сел Тимоша за стол, на руки склонив голову, и молвил, таяко вздохнув: — „Белоснежная моя лебедушка, голубка моя сизокрылая, да во веки веков не променял бы я тебя: ни на жар-птицу, ни на заморскую царевну-девицу, ни на все то — ни турецкое, ни на московское царство. Эх, да ежели б взглянуть мне в сердечко твое, проведать — бьетса ли оно о мне радостно, иль надо мною ты, девица, потешаешься. Да гордая, неприступная ты, моя лебедушка, кровь то тебе течет ведь родиловская... Ох, и хочется да не верится мне в Филин сказ... Не возьму лишь в толк — баил он мне все по своей дурости, для утехи ль меня, иль для отвода глаз? —

— Да не стоял и не стою я, Филя, поперек пути твою: ведаю, как Фатима тебе полюбилась, а мне она, хоть и краса писаная, ровно — нет ништо: далеко ей до Наташеньки, как до белоснежной лебедушки серой утице. Эх, погубил ты, Филя, свою головушку: не добыть тебе журавушки... Не в догадку чтоль ему — что с Фатимой вожжался то я лишь от своей досадливости, а на стане прохлаждался для потехи над боярином... Эх, да боле всего — от сердечной муки своей... Да узрел — не залить мне её — ни горячим вином, ни медами сладкими, ни винами заморскими...“

Не мало времени Тимоша за столом сидел, на руки склонив свою буйную головушку, а после и песню запел. Понеслась его грусть-тоска по городку Черкасскому. И подумали, статья может, про песнь-тоску все по-разному, всяк по-своему, да пожалели молодца все одинаково — всем песни его любилась и все его „жаловали“.

Не одна старушка прошептала про себя, услыхавши тоску Тимошину: „Ишь, до какой поры „безлезный“ по родителям своим, покойничкам, все убивается... Упокой, Господи, души усопших, раба и рабы Божьих — Ивана и Прасковей, а сироте — Тимоше пошли, Владычица, здравия и исполнения во всем замышленном.“ И сотворила при том трижды крестное знамение.

А ежели б донской молодец не запел песни своей, то на кусочки мелкие сердце его разорвалось бы, иль сторело бы, как „зелье“ от „выпала“***), так таяко было ему, такова была мука сердечная — ни горячим вином, ни медами сладкими, ни винами заморскими не утолимая, не угасимая.

*) Курпейный, курпетчатый — барашковый.

**) Неук — молодой необъезженный конь.

***) Выпал, пал — выстрел.

Сказ 9.

Как расквитался с московским послом донской молодец и как с того круги пошли, как от камня в воду брошенного.

Прислал ввечеру посол холопа своего за Тимофеем Ивановичем, на стан прийти через него ему наказывая: „Есть у боярина дело важное, неотложное“, — посланец боярский Тимоше сказывал. Подумал, пораскинул молодец своим умом-разумом, и пошел на стан один-одинешенек, и другу своему не сказавшись.

К отбытию послов время близилось. Дней с пяток уже прошло, как приплыли струги из Воронежа, а с ними и стража охранная. Пристала к послу реем дума неотвязная — что как на приманку, им измышленную, рыбка не возьмется, а леска, хоть и мудро ссученная, что как оборвется? И стал посол донского песьельника особо ублажать-уговаривать, ехать вместе с ним в град Москву. Сидел Тимофей Иванович, брови свои сдвинувши, до конца слушая речь боярскую — посулы его и обещанья всяческие, попреки за потчиванья его и дьяческие, а после того молвил и свою, речь казачью.

— „Дело наше, боярин, было полюбовное. Рядиться, наперед уклад чинить, обоим нам — было б дело непристойное: оба мы с тобой роду не купецкого. Гостилчествовал ты меня медами сладкими да винами заморскими, а я, что есть у меня — песнями своими сладкопесными. Таких медов и вина пить до преж твоих, правду сказать, мне не приходило; да, ведь, и таких песен, боярин, слышать, сам сказывал то, до преж моих и тебе не доводило. И выходит — друг у друга мы в долгу не остались, квиты мы, боярин с тобой, т. е. во как с тобой расквитались. А про Фатиму, мою женитьбу на ней, речи твои — речи праздные, все измышленные твои о том — „несуразные“. Не учился я пить из чарки не допитой, другим начатой, и учиться тому я не собираюсь. Да ежели б и надумал казак в жены себе турскую девицу взять, то не стал бы тебя, боярина, в в сваты к себе звать. Сватовство у нас не водилось и не водится, и без него женитьба у нас обходилась и обходится. В Москву ехать мне — вовсе незачем, и покидать Войско родимое вовсе не для чего. А прохлаждаться да валандаться мне с тобой, боярин, боле неколи, есть и свои дела — дела казацьи. С тем, боярин, и прощай. Спасибо тебе за твою хлеб-соль, твою потчиванье“!..

Стоял посол, рот разинувши, бельмы выпучивши, хоть донского молодца, давно и след простыл. Забегал, заматался посол по шатру, отплываваясь во все стороны, про себя причитывая: „Ну да, и прощальга же окаянный, ну да и шарамыжник же... Прибавлял по-московски и то, про что нам и „неудобь“ сказать.

На другой день, перед вечером, вновь прислал посол посланца своего за Тимошею: да не в тот ни на другой день не пошел уж он на посольский стан: больше туда донской песьельник уж не хаживал, и глаз своих более не показывал, — замолкла там песня молодца.

Разбушевался посол, срывая злобу свою на людях своих и, на дьяка своего набросившись, стал ему вычитывать-выговаривать: — „И что ты, лысый черт, мне советовал? На что глядел, старый хрыч, что доглядывал? Прикинь-пораскинь холопом умашком своим, как исхарчились мы изубытились? И кого только потчивали, чествовали мы, как добрых людей, пораскусил ты, хоть теперь — шалопаев, шаромыжников... Ты подумай только, ирод, сколько они, утробы их ненасытные, всего всякого попили, сколько выдули... Де еще беспрременно над нами еще и потешаются, за нашу хлеб-соль нас же еще и оговаривают... Перегляди всю „рухлядь“*) мою и свою, да и у людей всех поспрашивай, „не стяжили-ль“ чего, верно уже не без того, на стане у нас прохлаждаясь.

А Фекле, басурманке проклятой, накажи, чтоб под руку мою да и на глаза мои не попадалась, не показывалась до отплытия. Ох, да и чешутся руки мои отгаскать ее окаянную, за патлы длинные, да лишь перед

*) Рухлядь — вещи, имущество.

чужими людьми не в охоту мне ославиться... И какому она, в чертах там, училась вежеству, какому обхождению, ежели не сумела прельстить, даже казачишку безродного... Постригу в монастырь ее, басурманку проклятую, — крикнул боярин в сердцах, ногою топнувши, — выбьют ей там из головы рукоделье ее басурманское, за постами да поклонами позабудется ей пляски бесовские... Узрел, хоть теперь, ты карга старая, какую казну великую я зря сгубил; ведаешь теперь, почто паша мне ее с рук своих сбыл... Ишь проклятая, и какая, ведь, норовистая оказалась: не токмо на гору не вывезет, а не сvezет и под гору, порожняком окаянная все б каталася*.

А дьяк тужась вспоминал, что на станѣ было, что случилось, и все думал-гадал: „Уж не прошибся ли как толмач по своей дурости, Фекле наказывая, что им ему было припорушено — и показал не на того, на кого было надобно, а на Фильку, друга Тимошки — идола. Ну, та и рада была с ним „лясы точить“ побасурманскому и во всю на него напустилася. И на кой чорт Филька послу московскому: совсем он ему, то — есть без всякой надобности“. И набросившись на толмача, стал дьяк „с шумом“ вычитывать ему, выговаривать.

Вот как расквитался с московским послом донской молодец по-казачьему, и как с того круги пошли, ровно от камня, в воду брошенного.

Сказ 10.

Какие бывали на Тихом Дону в годы минувые казачки-девицы.

Какой красой-девицей выросла дочь у атамана Епихи Никитича все видали, а какой она была умницей все слышали, иль самолично то знали. Сказывали в Черкасске — всем была она в свою родителя, а „обличьем“ своим уродилась больше в свою покойницу-матушку. Ну, а та была какою красой, всем ведомо.

Да и как было не быть Наташе умницей у такого родителя, казака бывалого, атамана мудрого, каким был и на все Великое Войско слыл Епиха Никитич. Лет с пяток без малого на своем веку в полону скоротал: акромья Турской, и в Цесарской, и в Гишпанской, и Венецейской, и во Франкской земле побывал, повидал свету белого. А в бытие свое походным атаманом в Московском царстве в годы смутные, нагледелся „присуду“ и обычаев польских и царства московского.

Пролетает птица перелетная страны многие, двукрат в единый год — о весне и по осени, да остается ей то без всякого последствия, потому разума человеческого ей не дадено от Господа. А человеку с его разумом, да особо с таким, каков был у Епихи Никитича побывать в землях разного роду — племени, многократ пользительней, чем прочитат уйму книг, полных всякой премудрости человеческой.

Более уже десятка лет прошло, как овдовел Епиха Никитич, да и при вдовстве его было кому беречь-расти Наташеньку, дочку его ненаглядную. Взял он в былое время, до того еще, в полон в „морском поiske“ с малым дитем ясырку турскую. И не позарившись на казну за нее, отдал жене своей в хозяйство быть по-мощницей. И осталась ясырка та „по век жизни своей“ атаману благодарною, что не разлучил он ее и дитятку. Приняла она с дочкою крещение и стали обе казачками вольными*, жить же попржежнему остались у Родиловых. Ясырка та, нареченная Марьей при своем крещении, „доглядала“ за куренем и за Наташею, жалела и пестовала ее, как свою дочку Глашеньку. А как супруга у Епихи Никитича скончалася, то заместо матери она ей осталася.

Была Наташа в таком уже возрасте, в коем иные бывають уже и в замужестве. Была она первою затейницей в карагодах и в играх девичьих, и в вышиваньи была искусницей; а с родителем и кто бывал у него, вела такие речи, что не токмо молодого, а и матерого казака речам таким все подивились бы.

* Пленники и пленницы (ясырь), приняв христианство, получали свободу.

Был у атамана Исая Мартемьянова сынок, так ничего себе, как будто, вырос молодец, давно уже он мимо куреня родиловскаго стал протаптывать себе дороженьку. Не раз его родитель и Наташи меж собой про детей своих речами перекидывались; и сказывает Епиха Никитич своей Наташеньке, что дочерям своим их матери обычно сказывають, — пора де дочка подумать и о своем замужестве, и молвит ей: — „Атамана Мартемьянова сынок, ну, чем не молодец?“

Впервые Наташа отшутилася, а вдругорядь напрямик родителю ответила: — „Не люб он мне“, — и от молодца совсем она открестилася.

А как родитель не так чтоб принудять ее стал, и по родительски, любя, советовать — привередничать де вовсе не к чему, от хорошего лучшее искать де не приходится, вскинувши очами на своего родителя, Наташа так ему промолвила:

— „Не единойды, родимый батюшка, сказывал ты мне — про обычаи, присуд и повадки людей московских. Нагледелся ты достою их, как был походным атаманом в годы смутные. Сам сказывал ты мне, какие междоусобия, беда и напасти от них там приключились, а выходит они тебе и атаману Мартемьянову вот — как полюбились, ежели на Дону завести вы их задумали. Да, когда ж то, батюшка, у нас видали, чтобы казачку вольную, не по воле ее, а по родительскому решенью, выдавали, иль замуж брали? Не тебе, родимый батюшка, обычаи московские у нас заводить, и не мне в замужестве за Мартемьяновым быть. Пойду я за того, который мне полюбится, да еще и сослужит Войску службу великую“.

И слова не промолвил Епиха на то, что дочь ему промолвила, лишь взглянувши на нее подумал: „Росла, росла, — не приметил, как и меня уж переросла“. А о Мартемьянове сынке уже не заикался, не досаждал им он своей дочушке.

Полюбился девице Тимоша Разин. Да таилась в том от всех она — по гордости и по чести девичьей, берегла свою и честь родительскую и его же атаманскую. Люба всем она на Казачьем Острове, а вот как, до каких пределов любя она молодцу — вот то-то и не ведомо.

А как молодец на посольском стане прохладяться стал, да как турскую девицу она увидала, да что на посольском стане было, что случилось она услышала, так сердечко у девицы и по новому заболело.

На кусочки у девицы сердечко разрывалося, как в вечеру пение Тимоши со стана раздавалося.

Творилась с Наташей необычное: сама б в сердце молодца стрелу ввонзила острую, и в пору же ту сама б его спасать бросилась. Расцвела, разукрасилась цветами яблонка — да на ветвях ее ворковали горлинки, а внизу, извиваясь, ползали змеи лютые. Казачей песней облегла девица сердце свое, лишь ею разгоняла свою грусть — тоску.

Сказ 11.

Кто и как замыслил золотую рыбку добыть, как пришлось ей по Дону плыть.

Поведал Филья сестрице своей, что на стане было, что случилось; сказывал он ей — турская девица де так ему полюбилася, что готов он за нее и жизнь свою и душу отдать. И она не чаёт в нем души своей, сама она ему в том призналася, а ежели из неволи он не вызволит, наложить руки на себя она обещалася. Поведал Филья и то, как разругался Тимоша с московским послом — и глаз своих боле на стане он уже не показывает, дня с три как туда он уже не зааживает, а без него и ему на стане бывать не приходится и как с Фатимой повидаться, хоть словечком с ней перекинуться, теперь им уже не находится. И говорит Филья крестовой сестрице своей:

— „Проберусь вслед за послом я в Москву, может, там, как я ее вызволю... Иль — отобью я ее у каравана с донскими молодцами, как будет плыть-проплывать он городки наши верхние“.

Стояла Наташа посреди горницы и, поднявши брови свои дугой-радугой, молвила братцу своему кресто-

вому: — „Эх, и куда же добрые молодцы с Дона Тихого подевались. Переверелись, знать, они, в стародавних песнях лишь остались. Эх, да ежели была б я не девицей, а добрым молодцем, сумела б добыть я лебедушку и без выпала“. А как сказывала она то, так сафьяновым своим коблукчком о пол даже стукнула от досадливости.

— „Потерял ты, Филя, свою головушку, потому и сказываешь речи свои — „некудышные“. Не пристало терять ее казаку — ни в радости, ни в беде, и ни в сердечной горести. И как ты, Филя, в Москве ее вызволишь, ежели у себя на Тихом Дону не находишь, как ее вызволить? Не отобьешь ты ее у каравана посольского, как будет он проплывать городки наши верхние, ежели не измыслил, как отбить ее, Филюшка, тут, куда караван на месте стоял — у Черкасского. Да и при том надобна не ратная силушка, а казачья сметочка и хваточка. Батюшка мой мне не одиножды сказывал, и ты то слышал: да ежели б казаки со своими недругами одной силой ратною управлялись, то от них на Тихом Дону давно б и следы уже затерялись. Сам сказывал — до отплытия каравана два-три денька всего лишь осталось, за время то и надобно все нам так оборудовать, чтоб и тебе она, Фатима, досталась, и за Войском нашим, дурная слава б как не осталась. Приходи ввечеру, Филя, к садику, а в курень эти дни ты не захаживай, как и чему быть-надобно нам посоветовать, как Фатиму нам спасти от погибели, от неволи ее у боярина“.

Ушел молодец, а Наташа походила по горнице, на „лавке“ посидела и что-то подирдумавши, Глашу к себе „поклкала“, и о чем-то с нею пошептала, а та в станицу татарскую за казачкой Сулимою полетела, во всю прыть помчалась.

А о чем по приходе ее Наташа с нею речи вела, о чем советовала, в курене слышать, кроме Глаши, было некому. Ну, да та была не таковская, чтоб слово вымолвить зря — порода то ее была, ведь, турская, а не московская...

Сказ 12.

Как турская девица, бывшая в неволе, оказалась на воле.

К вечеру время близилось, уж к Кобяковой горе*) солнце снизилось. Было станишникам в городке многим видать, как Сулима на спине узел несет. Ну, как было то не узнать куда и за чем с ним она идет? И поведала Имбрагимовна им — отправляется она с вышиваньем и рукодельем своим, кой-что задумав на стане продать...

То, другое Фатиме из узла Сулимы и полюбилося, да перенести, переправить все ей приходилось.

И в пору ту Имбрагимовна неприметно ей переказывала, что Наташа передать Фатиме наказывала. А как узел она перед уходом увязывала, то узелок неприметно, Фатиме моргнув, под постелю ее и сунула.

Повстречался Филя с Наташей у садика, и словами они перекинулись, как и чему быть посоветовали. И дала сестрица талер братцу крестовому; видать, чтоб утешить его. Да махнул молодец, знать, рукой на дело свое необычное и думушку о Фатиме из головы выкинул. Взял из куреня пищаль и, на стан придя, продал ее московским стрельцам, что прибыли в страже охранной. И уселся Филя с ними в зернь поиграть по своей дурости, или младости; стать может и то — захотелось молодцу себе игрою деньгу добыть, чтоб в Москву вслед за караваном поплыть.

Проиграл Филя со стрельцами до полночи и все спустил до последней денежки и талер, сестрицей подаренный, и за пищаль что досталось, в „гаманце“ у молодца ни единой полушечки не осталось.

Не скрылось от стражи: как Филя по стану во

*) Кобякова гора — (казна), высокий правый берег у слияния р. Аксая с р. Доном, верстах в 17 к западу от Черкасского.

хмелю шел шатаясь, и по утру всем о том растрезвонил, как пьяным донской молодец шел, после игры домой возвращаясь.

На другой день ввечеру Сулима на стане с узлом вновь появилась, исполнивши все что переправить из выбранного Фатимой, ей приходилось. Да турская девица уж больно привередливой оказалась — то не по нраву ей, а то ни так, а то совсем не любо никак, и даже с Сулимою она поругалась. И вновь завалился узелок у ней побольше прежнего, и ни дяк, ни толмач того не приметили. А Фатима, чтоб скрыть его, уронивши „утирочку**), поднять ее вниз нагнулся, и подале засунув его, неприметно с Сулимою она и перемигнула.

А Филя с Наташею у садика вновь повстречались, как и чему быть посоветовали, а признался ли он в проигрыше сестрице своей, о том и самим надобно догадку иметь. Понес на стан Филя ввечеру лук да колчан, и стрельцам его продал, чуть не так отдал. Отыгратья молодцу, уж больно захотелось, не скрылось от московских стрельцов, как играть сесть ему не терпелось. Проиграли до самой полночи, и — ау, спустил Филя свои денежки. Хоть за игрою и не мало выпили, а все ж и выигрыш взбрызгнуть стрельцам захотелось, а как хмельного ни капельки уже не имелось, то и сбегал в городок Филя за горячим вином, удружив, назвавшись сам.

Пропустил он всего лишь чарочку одну — а пить он не отнекивался — чтоб не возгордились стрельцы, что о проигрыше своем он кручинится, иль не подумали, что неладное „им что-то“ чиниться; да чарочки неприметно на земь все были вылиты.

По выходе из шатра Филе со стражей пришлось повстречаться — и стала зубоскалить она, потешаться, куда де казаку со стрельцами в зернь играть браться. Да видят, что совсем он сбился „с панталыка“ и языком не вяжет лыка, прочь пошли.

А месяц по небу бежит, из-за облачка на молодец глядит. Не мало месяца потешался и от смеху надрываясь, то и дело за облака скрывался, и далее поплыл.

Пробравшись меж шатрами, Филя под одним из них залег, что рядышком с посольским был. Видать на добычу не малую он метил. И поджидала в пору ту его расплата — того наш молодец не сметил, что может быть и изнутри заплата, — что может стража быть и внутри шатра.

А как Филя край его поднял, и впрямь страж вскочил из-под него. Вот-вот бросится он на него, и караул заорет изо всех сил. И впрямь кинулся... и на шею донского молодца повиснул, руками шею обхватил, и крепко ее стиснул.

На весь Дон Тихий, на Войско все „ославиться“ приходилось Филе, прозвища ночного татя**) не смыть ему и в своей могиле.

Послышался, да не крик, не караул...

А месяц по небу бежит, и на стан во все уже глаза глядит, из-за облачка выглянул совсем... Филе уже никак не скрыться... Слышны были, — не крик, не стон, а чмоканье и шопот. Да что уж и к чему нам от своих людей таиться: Фатима то была, в казака она преобразилась, казачья одежда из узелков Сулимы ей пригодилась.

И стали два молодца донских по стану пробираться, и пришлось им со стражей повстречаться — с одною у шатров, с другою у стругов. А что было, что случилось с ними там, будет ведомо „во-время“ и нам.

Вот как за проигрыш двухдневный наш Филя отыгрался. Знать, не по младости, иль по дурости своей он в зернь играть с стрельцами брался.

*) Утирка, утирочка — носовой платок.

**) Тать — вор, грабитель.

(Продолжение следует).

Пилсудский не сухой теоретик. Он не сидел в кабинете над выработкой польской программы для других, он формулировал ее своей неустанной и деятельной борьбой с оккупантами задолго еще до войны 1914 года. Пилсудский — гениальный практик, человек действия. И потому, когда наступил надлежащий момент, он решил активным выступлением на поле брани добиться постановки польского вопроса.

Вопрос „ориентации“ в то время был для поляков сложным и трудным. Пилсудский решил ориентироваться только на Польшу...

Не будем поднимать здесь извечно старого вопроса о роли личности в истории. Для нас достаточно будет только констатировать, что каждый народ имеет своих Великих. И хорошо тому народу, который имеет их в нужный момент. Поляки его имели...

Кто же такой Иосиф Пилсудский, первый маршал Польши, которому она в наибольшей мере обязана своим освобождением и возрождением, который ныне фактически стоит у кормицеля ее молодого государственного корабля?

Маршалу Пилсудскому сейчас 63 года. 19 сего марта поляки праздновали именины своего национального вождя.

Иосиф Пилсудский родился в 1867 году. То были годы, когда поляки весьма остро еще переживали неудачу восстания 1863 года. Настроения тех лет не могли не отразиться на впечатлительном мальчишке. Любить же Польшу, любить до самозабвения научила его его мать...

После окончания Виленской гимназии, юноша Пилсудский поступает в Харьковский университет. Здесь он принимает деятельное участие в кружке молодых польских патриотов (студентов). Работа эта не осталась неизвестной русскому правительству и Пилсудского высылают из Харькова. Он возвращается в Вильно и продолжает начатую революционную работу. Русское правительство снова устанавливает связь польских революционных организаций с русскими революционерами („Народная Воля“) и 20-ти летний Иосиф Пилсудский осуждается на пятилетнюю ссылку в Восточную Сибирь (1887). Так начался весьма тернистый вначале жизненный путь величайшего польского патриота нашего времени, целую жизнь свою посвятившего единственному лозунгу: „Свободная Польша какою угодно ценой“.

В 1892 г., отбыв срок ссылки, Пилсудский возвращается на Родину и возобновляет прерванную ссылкой работу для освобождения Польши. В 1894 г. он начинает издавать (нелегально) революционный орган „Robotnik“ („Рабочий“). Сам он был редактором, сам писал статьи, сам их набирал и сам потом „разносил“ свою газету по Польше. Так начал Пилсудский свою карьеру в польской социалистической партии (П. П. С.), в которой он выдвинулся скоро в первые ряды. Принадлежность к социалистической партии не мешала Пилсудскому быть прежде всего польским патриотом. На этом моменте он часто расходился с партией, ибо требовал прежде всего

работы для политического и государственного освобождения Польши, а потом уже забот и стараний об экономическом благосостоянии рабочего класса.

В 1900 году русская жандармерия открыла газету „Роботник“, сам Пилсудский был арестован и заточен сначала в Варшавской крепости, а потом перевезен в Петербург. Ему грозила виселица или, в лучшем случае, „серьезная“ ссылка в Сибирь.

При помощи своих друзей Пилсудский бежит за границу. Здесь он начинает приходить к окончательному выводу, что дело освобождения Польши может быть делом только всего польского народа, а не одной какой либо его части или класса, даже и рабочего. На этой почве еще больше охлаждаются его отношения с официальным центром П. П. С.

Во время русско-японской войны Пилсудский пробует найти помощь своим освободительным планам у Японии, но терпит неудачу. Это его не смущает. Со всем пылом своей кипучей натуры бросается он в партизанскую борьбу против русского правительства в Польше. В результате, он приходит к тому убеждению, что и этим путем Польши не освободить, и в 1908 году приступает к созданию тайной польской военной организации, которая, по его мысли, должна была стать началом польской армии, когда наступит соответствующий момент. В этой военной организации польская молодежь должна была приучаться к будущей борьбе за польскую государственную независимость. Уже в 1913 году польская военная организация насчитывала около 10.000 человек... Так нашел Пилсудский в конце концов то решение вопроса, которое выиграло.

Пришла война 1914 года.

Выше мы говорили уже, как трудно было в то время полякам. Существовали разные группировки, каждая со своим решением польского вопроса, каждая со своей „ориентацией“. Пилсудский, выбрав ориентацию на Польшу, решил выступить со своей военной организацией открыто. Наибольшим противником самостоятельности Польши считал он тогда Россию, поэтому выступил вначале со своими легионами на стороне центральных держав, хотя не верил и им. В конце 1916 г. (5 ноября) Германский и Австро-Венгерский императоры провозгласили о создании Польского королевства, при условии, что польская армия станет на сторону Германии и Австро-Венгрии. Пилсудский, однако, видел суть немецкой игры и запретил своим легионам присягать немцам. Наступил открытый конфликт, в результате которого большинство польских легионов было интернировано, а потом арестован был и сам Пилсудский (20-VII-1917) и заточен в Магдебургской крепости. Этот арест, однако, не уменьшил несколько значения Пилсудского для поляков, ибо в глазах всего польского народа он вырос уже в национального героя и вождя польского освободительного движения.

Германская революция конца 1918 г. освободила Пилсудского из немецкой крепости, он триумфально возвращается на Родину и немедленно становится во главе рождающегося Польского государства.

Первый глава Польской республики проявил необыкновенные организаторские и военные способности. Став во главе молодого государства, маршал Пилсудский, как и революционер Пилсудский начала 1900-х годов, считает интересы государства, интересы целого выше интересов отдельных группировок или политических партий. На этой именно почве происходят конфликты у него с некоторыми польскими политическими партиями. Эта вынужденная борьба привела одно время к тому, что маршал Пилсудский добровольно устранился от государственных дел. Но этот его отход не ослабил роли и значения его в жизни Польши. Когда корабль молодого Польского государства начали трепать бури внутренних невзгод, маршал Пилсудский снова стал у кормила государственного корабля.

Иосиф Пилсудский жил и живет, работал и работает только для Польши. Как революционер и борец за освобождение своего народа, так и государственный деятель или верховный вожьд

армии, Пилсудский всегда умел достигать раз поставленных себе целей. Неудачи его не обескураживают, — удел немногих. Романтик, по собственному его выражению, в планах, он был и остался весьма холодным и расчетливым, что касается средств и способов их осуществления.

Одной из бессмертных заслуг маршала Пилсудского перед Польшей является его победа над большевиками в 1920 году. Один из „красных генералов“ — Тухачевский — (в своих лекциях, прочитанных им в Военной Академии в Москве 7—10 февраля 1923 г.) признается, что целью красного „Похода за Вислу“ в 1920 году было нести в Европу через Польшу „революцию извне“, т. е. насадить там, а прежде всего в Польше, советский строй при помощи штыков советской армии. План этот потерпел решительную неудачу и вина в том принадлежит прежде всего маршалу Пилсудскому. Он со своей молодой армией спас Польшу от красной заразы...

К нам, казакам, на наши Казачьи Земли коммунистическая „революция“ и советский строй тоже принесены на остриях штыков красной армии. К несчастью нашему, мы не сумели тогда отстоять свою Родину. Будем же готовиться к тому, чтобы мы смогли это сделать в будущем.

Инж. В. Бейсуг.

„Пятилетка“ у нас.

Во всей советской прессе нет в настоящее время более актуальной темы, как вопросы „пятилетки“. Этим словом пестрят все советские газеты и журналы, им обнимается целая большая специальная литература. Много внимания уделяют пятилетке и эмигрантские газеты. Все больше и больше интересуются пятилеткой иностранцы. Пятилетка служит одной из центральных тем пропаганды большевиков за границей. Лекциями о пятилетке потчивали в Москве английскую делегацию промышленников, потом и американцев. Пятилетка стала тем блестящим шариком, которым гипнотизеры часто пользуются, чтоб усыпить своих пациентов: ее первыми успехами гипнотизируют большевики иностранцев, ее блеском хотят усыпить население СССР. Вся деятельность столь развитой большевицкой „политпросветработы“ имеет сейчас одно задание: „Организовать массы вокруг и для выполнения пятилетки на каждом ее участке“. „Поднять в массах энтузиазм строительства пятилетки“. Столь много внимания уделяют большевики пропаганде пятилетки не только потому, что она „может быть выполнена лишь в случае, если вся масса примет сознательное участие в ее проведении“, но и потому, что судьба пятилетки — это собственно вопрос существования самой красной Москвы. Имея в виду пятилетку, XVI конференция В. К. П. в своем воззвании писала: „Под знаком выполнения этих задач пролетариат СССР идет в дальнейшее наступление на классовых врагов пролетарской диктатуры“.

Вот почему мы считаем весьма уместным познакомиться своих читателей с тем, что представляет из себя пятилетка, в условиях, по крайней мере, наших Земель. Мы этим надеемся удовлетворить здоровое любопытство каждого знать, что происходит у него дома, и дать возможность сознательно разбираться в новом большевицком эксперименте применительно к нашим условиям. Мы будем считать свою задачу исполненной, если вкратце познакомим сперва читателя, не имеющего возможности разбираться в специальных вопросах, с тем, что представляет собой пятилетка вообще, далее с максимальной детальностью осветим ее в условиях

наших Земель, сообщим результаты ее за истекшее время и, наконец, проанализируем ее суть, дабы знать, что можно ожидать от этого нового опыта социалистического строительства.

Что такое „пятилетка“? Отличительной чертой социалистического государства в теории должна быть „плановость“ ведения его народного хозяйства. Это значит, что на каждый год должен быть намечен план развития всего хозяйства страны с указанием, на какую отрасль хозяйства должно быть обращено наибольшее внимание, что должно быть сделано в определенный срок, и сколько средств должно быть вложено в каждую отрасль хозяйства.

Следуя этой теории, коммунисты завели сначала практику выработки плана развития хозяйства на год вперед. Планы эти получили название „контрольных цифр“. Контрольные цифры намечали по каждой отрасли промышленности (машины, уголь, текстиль, кожа и т. д.) то, что она должна дать в течении предстоящего года, что должно дать сельское хозяйство и т. д.

Таким предварительным учетом размеров производства, наряду с учетом потребностей общества, социализм в теории должен „делать невозможным те потрясения, которые свойственны капиталистическому хозяйству в моменты кризисов“ (путем беспрерывного кризиса большевики задачу решили на 100%!).

В первые же годы, однако, творцы планирования убедились, что некоторые хозяйственные задачи, как напр., крупное промышленное строительство, электрификация и т. п. не вмещаются в своих решениях в годичный срок, но требуют для своего выполнения не одного и не двух, а пяти и даже более лет. Следуя завету Ленина „не бояться планов, рассчитанных на долгий ряд лет“, большевики сделали в 1924-25 г. опыт пятилетнего плана развития промышленности. Однако, при анархии тогдашнего народного хозяйства авторы плана принуждены были вскоре признать себя бессильными в проведении плана в жизнь по ряду основных

отраслей народного хозяйства. Этим и весь план пошел на смарку.

К началу 1927-1928 г. — хозяйственного года, государственная плановая комиссия разработала новый проект хозяйствования на предстоящие 5 лет, охвативший не только промышленность, но и все отрасли народного хозяйства на период с 1927-28 по 1931-32 г. Этот пятилетний план и получил пресловутое имя „пятилетки“. Директиву к ее составлению дал XV съезд коммунистической партии, поручавший привлечь к обсуждению плана все местные, советские, профессиональные, партийные и др. организации.

Наученные первым горьким опытом кабинетного эксперимента в Москве, большевики на сей раз действовали более осмотрительно и осторожно. Над пятилетним планом работали все местные плановые органы и центральные научные учреждения. Его строили уже на целом ряде действительно научных исследований и на трех десятках планов отдельных советских республик и районов. Экономическая и социально-политическая суть плана была определена директивами XV съезда коммунистической партии. Разработанный Госпланом план подвергся широкому обсуждению и утверждению 16-ой партконференции, а за тем был рассмотрен и утвержден V Всесоюзным съездом советов. Такова история „пятилетки“.

В чем же суть пятилетки и каковы ее крикливые начала? Теоретики социализма давно уже провозгласили, что основной предпосылкой осуществления социализма является высокий уровень техники. Истина эта неоспорима, т. к. без машин вообще разговаривать о социализме не приходится: „Нельзя всерьез говорить о социализме, пока в такой огромной части нашего хозяйства“, пишут большевики, „как сельское, продолжает господствовать соха и лошадинка; социализма не построить, если в такой решающей области, как машинное снабжение, будешь зависеть от своих врагов — западных капиталистов, у которых до сих пор приходится покупать значительную долю оборудования для большинства отраслей промышленности“. Отсюда вывод: для успеха социалистического строительства СССР должен индустриализоваться. Этот лозунг и является идеологическим обоснованием пятилетки. Индустриализация является основной линией, по которой должно развиваться хозяйство СССР согласно пятилетке.

Под индустриализацией авторы пятилетки понимают усиление роста промышленности, увеличение ее удельного веса в народном хозяйстве, внедрение промышленных способов производства во все отрасли хозяйства, преобразование мелкого производства в крупное, усиление отраслей промышленности, производящих средства производства, т. е. иначе говоря тяжелой индустрии (металлургии, машиностроения, электропромышленности и т. д.), превращение промышленности в вожака всего хозяйства, одним словом превращение страны из сельскохозяйственной в промышленную. Следствием проведения такой индустриализации должна явиться хозяйственная независимость СССР от заграницы, как страны производящей у себя дома не только продукты потребления, но и орудия и средства производства (не удивительно в этом случае внимание, с которым следят за пятилеткой иностранцы!), исключительное повышение обороноспособности и, наконец, доминирование рабочего пролетариата, за счет отселения крестьянской массы, являющейся представителем второй, но не первой по значению отрасли народного хозяйства, — сельского хозяйства. Возросшая промышленность должна положить конец мелкому крестьянскому хозяйству, вовлекая и его в орбиту индустриализации через обобществление хозяйств, коллективизацию и переход на крупное, как бы „фабрично-сельское“ хозяйство. Таков первый зазорный лозунг пятилетки.

Не менее зазорна и вторая ее особенность, — темп развития народного хозяйства. Советские экономисты называют первое десятилетие господства советской власти „восстановительным периодом“. 1927 г. кладет этому периоду конец, ибо к этому году промышленность страны оказалась, по мнению советских спецов, восстановленной до размеров довоенного производства (а сельское хозяйство?!). Особен-

ность „восстановительного периода“ заключалась в том, что за это время хозяйство росло гл. обр. за счет восстановления уже имевшегося оборудования. Все средства шли на расширение оборотного капитала — сырья, вспомогательных материалов, рабочей силы. Дальнейшее расширение стало возможным только путем постройки новых фабрик и заводов, установки нового оборудования и т. д. Все время увеличивающийся товарный голод привел советских спецов к мысли, что темп развития народного хозяйства в СССР не соответствует развитию потребностей, и это несмотря на то, что в % числах рост промышленности в СССР шел быстрее, чем в капиталистических странах.

В последнем нет ничего странного: „капиталистические страны“ создавали новое, большевики же ремонтировали старое; всякий ремонт, конечно, совершается быстрее, чем постройка заново; ведь и промышленность разбитой Германии восстанавливается быстрее, чем растет промышленность С. Штатов, — там строят новое, здесь починяют.

Но большевики сделали из этого иной вывод. Они пришли к заключению, что секрет успеха заключается в социалистической структуре СССР, обеспечивающей и в дальнейшем более быстрое хозяйственное развитие, чем в остальном мире. Отсюда совершенно невиданный темп, в котором большевики решили проводить свой пятилетний план, и который гипнотизирует всех, кто не достаточно ясно разбирается в этом вопросе, особенно если принять во внимание первые успехи пятилетки.

Та же XV Всесоюзная конференция постановила: „Необходимо стремиться к тому, чтобы в отношении минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран“. Этим „историческим сроком“ должно быть пять лет.

В то время как максимальный темп роста промышленности в США в период особого расцвета был 7%, большевики положили в основу пятилетки средний ежегодный прирост в 20%!! Это означает, что в 5 лет удельный вес народного хозяйства СССР должен согласно плану возрасти на 100%, т. е., иначе говоря, удвоиться. Исполнение задачи значило бы об исполнении лозунга „догнать и перегнать“. „Мы должны догнать и перегнать капиталистические страны“, докладывал один из творцов пятилетки Кржижановский в Москве, „но перегнать мы можем только каким то особым путем, какими то особыми средствами, ибо при прочих равных условиях окружающие нас страны вооружены наследием прошлого гораздо более мощно, чем мы, и если бы мы пошли той же дорогой, которой идут они, то дело было бы безнадежно; формула догнать и перегнать есть формула борьбы двух миров — мира, который говорит старому миру — посторонись, я иду на тебя и замещу твое место, и мира старого, который убежден в том, что еще не все пропало (!), и который по мере нашего наступления будет оказывать бешеное сопротивление“. Такими напыщенными словами обосновывают большевики смысл бешеного темпа пятилетки и необходимость боевой атмосферы для ее проведения.

Если вопрос пятилетки является вопросом жизни и смерти для СССР, то, в свою очередь, темп пятилетки служит тем ее обоснованием, без которого весь план терял бы свой смысл. От того, насколько быстро или медленно пойдет развитие советского хозяйства, зависят большевистские авторитеты, зависит исход борьбы между „нарождающимся социализмом и мировым капитализмом“.

Решение кардинально для коммунизма задачи, вылившееся в форму пятилетки, было проведено далеко небесполезно. Как цели ставимые планом, так и темп его проведения показался слишком смелым для многих даже большевиков. История „правой оппозиции“, о которой столько нам приходится слышать, это, собственно, есть история борьбы части коммунистической партии против пятилетки; борьбы за ее изменение. Жесточкой критике подвергся среди определенной группы большевиков прежде всего самый курс на индустриализацию. В противовес индустриализации ими

выдвигался курс на всемерное развитие сельского хозяйства: средства, отпускаемые на развитие промышленности, государство должно влить в сельское хозяйство, увеличить его продукцию, через него поднять благосостояние страны и лишь потом взяться за индустриализацию; необходимые товары пока следует закупать за границей, для чего нужно усилить торговые связи с ней и ослабить монополию внешней торговли. Такова программа правой оппозиции. С ней „правверные“ расправились отчасти физической силой (это по преимуществу), отчасти указаниями на опасность зависимости в этом случае от капиталистических стран и легкой возможность „окулачения“ крестьянства.

Были противники пятилетки и слева, — троцкисты. Последние находили задания плана слишком слабыми в отношении степени индустриализации, темп — слишком медленным, самую же коммунистическую партию обвиняли в перерождении в „мелкобуржуазную крестьянскую(!)“. О безумии подобных возражений говорить не приходится. Однако, левая оппозиция принесла не мало хлопот сов. правительству, раскрывая в истинном виде то, что ждет СССР через 5 лет и несчадно критикуя уже достигнутое. Левую оппозицию постигла та же судьба, что и правую, а сам ее возглавитель Троцкий, как мы знаем, был выслан за границу. Пятилетка была принята в том виде, в каком хотели „правверные“ во главе со Сталиным.

Мы думаем, что все вышеизложенное уже дает читателю возможность несколько разобраться в советской обстановке. Излагать пятилетний план подробно для всего СССР не входит в нашу задачу. Мы это сделаем лишь применительно к нашим Землям. Но все же набросать общую схему для понимания обстановки у нас необходимо. Это мы теперь по возможности в кратце и делаем.

Откладывая критику на конец очерка, мы теперь приведем только основные цифры, касающиеся СССР в целом.

В соответствии с заданием индустриализировать страну, план предполагает грандиозное строительство промышленности: коренное переоборудование, расширение существующих предприятий, создание новых фабрик, заводов и даже целых отраслей промышленности. На капитальное строительство в промышленности отводится 5,9 миллиардов червонцев. В связи с идеей освобождения от зависимости от капиталистических стран, 78% средств направляется в промышленность тяжелую, производящую средства производства, и лишь 22% на легкую индустрию. Поэтому тяжелая промышленность должна расти быстрее, достигнув к концу пятилетки увеличение на 204%, в то время как легкая лишь на 103%.

Из отдельных видов промышленности план намечает реконструкцию черной металлургии, в результате чего продукция, напр., чугуна должна быть в 1932-33 г. доведена до 10 милл. тонн, вместо 3½ м. т. в 1927-28 г., т. е. увеличена в 3½ раза, и СССР должен передвинуться по мировой добыче чугуна с 6-го места на третье. В области роста добычи топлива промышленность должна за пятилетие дать прирост в 82,6%, при чем добыча торфа должна увеличиться на 122%, каменного угля на 112%, нефти на 85%, расход же топлива на единицу продукции должен быть понижен на 30%, путем вносимой в план рационализации сжигания топлива. До 1 милл. руб. по плану вкладывается в машиностроение, которое должно дать через 5 лет продукцию в 3½ раза большую, а по производству с.-хоз. машин даже в 4 раза большую. Далее в СССР должна быть создана раньше фактически отсутствовавшая в России химическая промышленность, на которую по плану отпускается 1,4 милл. руб. В химической промышленности в первую голову обращается внимание на производство химических удобрений, увеличивающееся с 175 т. тонн в 1927-28 г. до 8 милл. т. в 1932-33 г.

Первейшее значение в реконструкции советского хозяйства должна иметь по плану электрофикация: Ленин, мол учил, что „коммунизм — это советская власть плюс электрофикация всей страны“. Электричество должно послужить той силой, которая положит

конец мелкому сельскому хозяйству, ибо с его помощью можно будет и здесь перестроить все на манер огромных зерновых фабрик. Пятилетка предусматривает строительство 42 крупных районных электростанций, которые увеличат количество производимой электроэнергии с 5 милл. киловатт-часов до 22 милл., передвинут СССР с 12-го места в мире на пятое, а по мощности механических двигателей на 1 рабочего дадут 8 лош. сил, в то время как в США она равна 4,7, в Германии 2,1.

Значительное внимание уделяет план транспорту, намечая строительство железнодорожной магистрали в 20 т. км., сооружение новых водных путей и ряд грандиозных предприятий в роде шлюзования Днепра, соединения ж. дорогой Сибири со Средней Азией и Уралом и т. д. Видное место отводится постройке Волго-Донского канала, который должен превратить линию волжских городов в район Донецкого бассейна. Сумма капитальных вложений для транспорта за 5 лет составляет 10 милл. руб.

Аналогично реконструкции промышленности пятилетка предполагает и перестройку сельского хозяйства. Согласно плану посевная площадь СССР через 5 лет должна возрасти на 22,5%, урожайность повыситься на 35%, валовая продукция увеличиться на 54,7%, продукция зерновых культур — в 1½ раза, вся же товарная часть с.-хозяйства — на 120,1%. С 3-го года пятилетки должен быть восстановлен хлебный экспорт. Исключительные надежды план возлагает здесь на электрификацию и механизацию. В колхозах и совхозах к концу пятилетки должно работать по плану 170 тыс. тракторов, вместо 27 тыс. в 1926-7 г. Машино-тракторные станции должны охватить 20 милл. гект. посева. В обобществленные хозяйства должно быть направлено на 863 милл. руб. с.-хоз. машин. 85% всех крестьянских хозяйств должно быть втянуто в кооперацию, на которую большевики смотрят, как на орудие социалистического строительства. Необычайный размах должно получить в течении 5 лет по плану строительство колхозов и совхозов. Количество машин в сельском хозяйстве должно за 5 лет возрасти: плугов на 197%, плугов тракторных — на 7800%, сеялок — на 197%, тракторов — на 4500%, зерноочистительных машин — на 229%, 1,5 милл. руб. по плану вкладывается в строительство предприятий по первичной обработке и хранению с.-хоз. продуктов (мяса, яиц, овощей и т. д.). общий же состав капитальных вложений в с.-хозяйство составляет за пятилетие 23 милл. руб. (в промышленности 59 милл. р.)

Для составителя плана было ясно, что его осуществление требует значительного культурного поднятия населения и создание кадров специалистов. Отсюда вытекает необходимость планирования и культурной работы. Согласно пятилетки количество грамотного населения должно быть доведено до 77%. На всеобщее обучение отпускается 3½ милл. руб. Намечается развитие изб-читален, библиотек, и даже, в качестве культурно-просветительного средства, кино (с 8 т. на 50 т.) и радио-приемников (с 326 тыс. на 1½ милл.). Путем „бригадного ученичества“, „взрослого ученичества“ „курсового обучения“ и т. д. должны быть созданы новые и усовершенствованы старые кадры специалистов.

Количество квалифицированных рабочих в крупной промышленности должно быть с 800 т. доведено до 1½ м. чел., инженеров с 20 тыс. до 54 т., техников с 20 т. до 64 т., число агрономов с 11 т. до 34 т. и т. д. „Это должны быть люди и холодного расчета и американской сноровки“, „их нужно выбрать из кадров пролетариата“, пишут далее авторы плана, „должна быть развернута работа по использованию технического опыта Европы и Америки и посылке наших специалистов и рабочих за границу“ и т. д., и т. д.

Изжитие товарного голода (душевные нормы должны возрасти к концу пятилетия по сахару на 80%, обуви — 80%, шерстяным тканям — 144% и т. д.), повышение покупательной силы рубля на 10-15%, увеличение финансирования народного хозяйства на 113%, уменьшение в 3 раза поребления водки, увеличение на 103% народного дохода, на 110% производительности труда, сокращение рабочего дня и безработицы, раз-

витие деревни и т. д., и т. д. — много еще разнообразных благ готовит населению СССР исполнение пятилетнего плана.

По своим заданиям и финансовому размаху в 86 миллиардов руб. план грандиозен и ослепителен, его первые внешние успехи действительно могут гипнотизировать. В сути вещей мы разберемся в конце очерка.

Пока же, мы полагаем, всего вышеизложенного вполне достаточно для читателя, чтоб понять, что такое „пятiletка“, и мы можем перейти теперь к основной задаче очерка: познакомить читателя с пятiletкой в ее применении к Казачьим Землям.

(Продолжение следует).

М. Бытынский.

Национальные цвета и флаги.

В довольно обширной статье о казачьих гербах*) нам уже приходилось вскользь касаться знамен и флагов, геральдически тесно связанных с гербами вообще. Было там, главным образом, разобрано происхождение как герба, так и знамени из групповых и родовых знаков, ставших впоследствии строго определенными символами государств и народов; была, также, вкратце отмечена и история развития этих знаков.

В настоящей статье мы хотим остановиться подробнее и специально на изучении знамен и флагов, как отдельной категории знаков, и, в связи с общим вопросом, наметить в принципе общее решение вопроса и о казачьих национальных или краевых флагах. Уместным считаем при этом указать на то обстоятельство, что, поскольку описание казачьих гербов и проекты их изменения в статье о казачьих гербах в календаре-альманахе „Вольного Казачества“ базировались большею частью на историческом материале, в данном случае, в решении вопроса о казачьих флагах, нам придется пользоваться исключительно почти геральдическими данными, ибо ни одно из Казачеств до революции определенными национальными, или хотя бы даже земскими знаменами и флагами не обладало, историческим же достоинством в этом смысле располагает до некоторой степени лишь казачество Кубанское (достоинство Запорожья), да калмыцкое (священное знамя).

Итак, переходим к рассмотрению вопроса по существу. Знамя и флаг, имея общее с гербом происхождение из родового цветного знака, став впоследствии символическим знаком крупнейших человеческих коллективов (государство, народы, кооперации) в одинаковом с гербом значении, от этого последнего отличаются по форме лишь тем, что носят на себе знаки, предназначенные для видения и разузнавания их на далеком расстоянии. Каждый герб по характеру своего общего построения, начертания на нем фигур и расположения цветов, не может вполне удовлетворить вышеуказанному требованию. Как бы ни был велик герб, никогда его нельзя уместить с полным удобством на таких или при таких предметах, которые должны бы быть видимы издали. Да, наконец, и знамя и флаг произошли непосредственно из родовых хоругви, которая и сначала должна была удовлетворять именно этому главному требованию, и которая далеко позднее уже посредственным, искусственным путем обработана была в герб, как более точный и определенный знак.

Таким образом и знамя и современный флаг удержали за собой одно из значений древней хоругви: быть видимыми издали, — в то время, как герб перенял на себя другое ее свойство: быть точно определенным, строго отличительным образным знаком в массе иных подобных.

Хоругвь, знамя и некоторые флаги (национальные, государственные), несут на себе не все элементы герба, именно цвета; таким образом, в них есть возможность повторить не весь герб; и поскольку герб является полным одновременно образным и цветным геральдическим знаком, знамя, хоругвь и флаг являются знаками только цветными. Вот этим то и можно пояснить, что хоругви, знамена и флаги всегда обладают лишь небольшою гаммой отличительных признаков в построении сравнительно с гербом.

Итак, распознаванию особой категории предметов и

определению их принадлежности служат хоругвь, знамя и флаг. Уже в древнее время этим основным свойством хоругви и знамени почти все народы и государства очень широко пользовались, в настоящее же время, напр., обойтись без флага на морских судах, государственных и корпоративных зданиях, да на многих иных предметах, является просто немисланным. Следовательно, знамя или национальный флаг всегда в известных случаях заменяют собою герб и в этом смысле значение их для государств и народов так же важно, как и герба.

Государственный или национальный герб и флаг принадлежат к числу священнейших и наиважнейших регалий у всех народов, и их осмеяние или срывание понимается как тягчайшее оскорбление достоинства и чести народа, которому они принадлежат, могущее послужить даже причиной войны.

Хоругви, знамена и флаги вообще делаются из разноцветных материй и, обладая вследствие этого свойством далекой видимости, удобства ношения и употребления во многих случаях, они, кроме своего непосредственного назначения обозначать известную принадлежность некоторых предметов, стали еще издавна условными знаками выражения общечеловеческих понятий в международном немоном языке. Всем известно употребление специально сигнальных флагов на судах; кроме них, и государственными или национальными знаменами и флагами подаются очень часто определенные сигнальные знаки, служащие выражением или известного психического состояния или какого-либо специфического понятия. Так, большие государственные и парадные торжества отбываются обыкновенно при воздвигнутых и распушенных флагах; значит поднятый флаг служит, в данном случае, знаком радости, торжества, мощи, уверенности; наоборот, опущенный, свернутый или завешенный флаг выражает скорбь, траур, утрату. Спуск флага на судне или крепости в виду неприятеля, означает сдачу, поражение, равно, как и наклонение перед неприятелем боевых знамен. Наклонение знамен и флагов перед главой собственного государства или вождем означает верность, преданность, послушность; покрытие знаменем или флагом мертвых служит выражением признания их заслуг и подвигов; срыв или топтание знамени и флага означает крайнюю степень вражды, желание унижить, нанести оскорбление.

Помимо этих условных движений флагами, существует еще в настоящее время специальный общепринятый род флагов, в коих самыми цветами и их определенной комбинацией выражаются специфические понятия в немоном языке, преимущественно во время войны. К таким флагам принадлежат: белый флаг — знак мира, дружелюбия, желания вступить в переговоры (некогда означал и сдачу крепости); флаг красного креста — знак неприкосновенности.

Таким образом, все эти лоскуты разноцветных материй, употребляющиеся народами в значении государственных, боевых и иных знаков, а также в значении сигналов, можно разделить на государственные хоругви, знамена, различные корпоративные знамена, сигнальные, международные и национальные флаги; эти последние суть недавнего происхождения.

Знамя и хоругвь различаются между собою способом прикрепления к древку — знамя прикрепляется, обыкновенно, неподвижно по вертикальной линии, хоругвь — также неподвижно по горизонтальной к перекладине при древке. Флаг от этих последних отличается

*) Казачьи гербы. Календарь-альманах „Вольного Казачества — Вильного Козацтва“ на 1930 г., ст. 99-129.

ся тем, что прикрепляется по общему правилу не к самому дереву, а к шнуру при нем и получает вследствие этого возможность легко двигаться по всей длине дерева.

Эти основные различия возникли, в сущности, историческим путем; в настоящее время способ прикрепления к дереву не играет уже такой значительной роли; большинство флагов прикрепляется теперь к дереву так-же, как и знамена, иногда даже, как и хоругви; отличаются же от знамен и хоругвей флаги в настоящее время формой, величиной и, главное, местом употребления, назначением своим.

Хоругви и знамена (штандарты) есть определенной формы полотнища из разноцветных материй, усащенных образами, гербами и иными фигурами, иногда с обшивкой и вырезами по краям; употребляются они обыкновенно, как особенно почетные знаки, в государственных учреждениях, воинских частях, корпорациях. Освящение, вручение и принятие знамени отбывается очень часто при торжестве и по установленному ритуалу (прибавление к дереву). Таким образом, хоругви и знамена в ряду подобных знаков занимают первое, самое почетное место.

Употребление цветов на хоругвях и знаменах не подвержены какому либо постоянному или исключительному правилу, но знамена и хоругви государственные (краевые) всегда и обязательно носят на себе государственные, национальные или краевые цвета.

Флаги — те же разноцветные полотнища, обыкновенно простой четырехугольной формы, без фигур, без обшивок и украшений; потому то и значение их по сравнению со знаменами далеко меньшее. Из флагов лишь морские флаги на судах да национальные и краевые флаги приравняются по своему значению к государственным знаменам и несут на себе тоже лишь государственные или национальные цвета.

Флаги национальные, которые в данном случае нас наиболее интересуют и которые, в сущности, наичаще повторяют цвета национальных гербов, есть явление новое, неизвестное в старину; возникли они одновременно с появлением „национальных цветов“, как отдельной категории знаков в современной геральдике. История же развития национальных цветов имеет свое начало во французской революции; национальные флаги позднее стали лишь носителями этих цветов.

До XVIII ст. общим цветным знаком каждого государства, а вместе и народа, было государственное знамя, повторяющее в себе, как и знамя родовое, цвета владетельного герба, т. е. цвета герба династического. Эти государственно-династические цвета, таким образом, употреблялись во всех возможных случаях, как подчеркивание значения, мощи и власти династической. Так во Франции очень часто военные знамена, офицерские шарфы и португези, кокарды, государственные, морские и иные флаги были преимущественно желто-синих цветов, цветов королевской бурбоновской династии и само французское государственное знамя было увеличенной копией королевского герба — на синем поле (полотнище) золотые лилии. То же самое было и в других государствах. Пруссия имела, например, черно-белое династическое знамя Гогенцоллернов; немецкая священная-римская империя — черно-желтое (золотое) знамя: на желтом (золотом) полотнище большой черный орел (герб немецкого императора); под этими черно-желтыми знаменами издавна собирались и воевали имперские народные ополчения.

Национальные французские цвета развились из случайной белой кокарды (cocardes) — первоначально султана, пучка перьев на военном головном уборе. Цвет этот был в царствование короля Людовика XVI присущ французской пехоте и со времени перехода войск на сторону народа против короля, стал на некоторое время революционным цветным знаком, восставших против династии. Революционный народ, противопоставляя первые свой собственный цвет цветам королевским, ясно выражал тем свое собственное право, как наивысший суверен, на государственную власть. С этого времени понятие народного, национального цвета, как специфического коллективного знака, тесно связалось с са-

мым понятием нации-народа, верховного носителя всех государственных прерогатив.

За время революции национальные французские цвета менялись несколько раз. Так 11/7-1789 после публичной речи писателя Демулена, сорвавшего и прицепившего к своей шляпе зеленый лист, вдохновленные парижане последовали тотчас его примеру, и зеленый цвет сделался моментально национально-революционным цветом французов и заменил собою на несколько дней прежний белый цвет. Июля 14-го парижский мер роздал народу красно-синие бумажные кокарды (цвета парижского городского герба), и этот цвет стал для парижских граждан, а вместе и для всей Франции, новым революционно-национальным знаком. Через некоторое время, красно-синие цвета были заменены черно-белыми, как специфическим в то время знаком революции. Королевскими телохранителями цвета эти были оскорблены 1 сентября 1789; офицеры и солдаты топтали черно-белое двухцветие и украсились вновь белыми значками. Король Людовик в 1790 г. приказал всем носить лишь национальные красно-синие и белые цвета, ибо революционный черно-белый цвет вызывал острые беспорядки. С падением королевской власти Национальный Конвент третьим декретом утвердил цвета красно-бело-синий, как национальные цвета французов, красный и синий — цвета Парижа, а белый, как цвет, под которым началось освободительное движение. С того времени названные цвета остались национальными у французов до сих пор и вместились на французском национальном флаге. Наполеон III с восстановлением империи лишь переменял порядок цветов во флаге.

Вот так возникли и развились национальные цвета да флаги у французов и сделались вскоре примером подражания для других народов.

В настоящей краткой статье нет возможности остановиться подробнее на истории возникновения и развития национальных цветов у всех европейских народов, заметим лишь, что у большинства из них цвета на национальных флагах появились через простой перевод на флаги цветов из национальных и государственных гербов, и лишь за немногими исключениями в некоторых государствах в настоящее время цвета национальных флагов не соответствуют цветам их гербов. Из крупнейших государств в таком роде можно назвать Францию, Великобританию, Германию (цвета нац. черно-красно-желтый, цвета же государственные по гербу — черно-красно-белый).

Исторические причины, несомненно, влияют на то, что у некоторых народов цвета национальных флагов не всегда соответствуют государственным гербовым цветам. Как на особенно яркий пример в этом роде, можно указать Германию.

Общонациональные цвета Германия получила лишь с учреждением северогерманского союза. До этого времени, как было уже указано, государственными и до некоторой степени народными немецкими цветами считались черный и золотой, переведенные из имперского герба. Во время борьбы с Францией в некоторых немецких княжествах появились черно-красно-золотые кокарды, отличающие активных бойцов, а в 1815 году немецкое студенчество провозгласило цветной национальной эмблемой отечества цвета черно-красно-золотой, отличные от официальных имперских цветов. Со стороны позднейшего правительства это новое трехцветие подверглось преследованию и вследствие этого еще более подняло значение цветов, провозглашенных за национальные; в 1848 г. названные цвета были признаны официально за национальные немецкие. Когда же при образовании немецкого союза первенствующее место среди немецких государств заняла Пруссия, черно-красно-желтый (золотой) цвета заменены были черно-бело-красными; первые два — цвета Пруссии (черный орел на белом поле в гербе), красный же цвет входит в состав многих иных немецких государств. В 1871 г. это последнее трехцветие стало государственной и национальной цветной эмблемой и новой германской империи. Соответственно с этим изменен был отчасти и самый государственный герб Германии: черный имперский орел с черно-белыми прусскими цветами династии Гогенцоллернов на груди помещен был в

красное поле государственного гербового щита. Наряду с этими государственно-национальными цветами немецкого народа продолжалась употребление немцами и старого трехцветия (черно-красно-золотое), сохранившего в себе по традиции цвет золотого древнего имперского знамени. Цвета эти, признаваемые как бы за императорские, часто даже доминировали над национальными. Лишь после недавней последней революции значение имперских цветов упало и новая немецкая республика признала национально-республиканскими цветами цвета германского союза.

Приблизительно такая же путаница в употреблении государственных и национальных цветов происходила даже до недавнего времени и в бывш. России. Петр I установил для коммерческих и военных судов морской поперечный трехцветный флаг — бело-сине-красный; цвета эти были простым переводом на флаг цветов московского областного герба: белый (серебряный) св. Георгий Победоносец с синим доломаном на белом же коне в красном щите. Все позднейшие российские законодательства сохранили эти цвета, как для флота, так и для дипломатических представительств России за границей. Несмотря, однако, на это, внутри страны происходило долгое время смешение установленного Петром трехцветия с черно-оранжевыми цветами георгиевского ордена, утвержденного Екатериной II, а позднее и с династическими черно-желто-белыми цветами Романовых (из романовского герба). Так, например, офицерские шарфы, знамена, ленты к ним, военные и гражданские кокарды, портупей и проч. носили на себе часто георгиевские или романовские цвета. Даже российское государственное знамя было золотое с черным орлом, обшитое по краям лентами из романовских цветов. Таким образом, государственными цве-

тами в бывшей России признавались георг. и роман. цвета; между этими последними, георгиевскими цветами и трехцветием Петра I была постоянная путаница и национальные российские цвета не имели строго-определенного обозначения. Лишь по повелению Николая II была образована специальная комиссия для выяснения вопроса о российских национальных цветах. Комиссия из представителей Академии Наук и министерств пришла к заключению, что национальными российскими цветами должны почитаться бело-сине-красный, георгиевские же и романовские не имеют к тому ни геральдических, ни исторических, оснований. Заключение комиссии утверждено было Николаем II 29 апр. 1896 года.

Итак, российские национальные цвета установлены были официально лишь в очень недавнее время; для всей империи, как видим, приняты были цвета, переведенные из московского земского герба. После большевистского переворота цвета эти были заменены для всей бывш. России красным цветом, национальный же трехцветный флаг стремились лишь удерживать за собой русские белые армии.

Народы же бывшей России, освободившиеся с падением царской династии во время революции из-под московской власти и образовавшие у себя независимые государства, как Украина, Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Кавказские республики, из казачьих — Дон и Кубань, отвергли московские земские и партийный большевистские цвета и утвердили у себя государственные и национальные гербы и флаги на основании своих собственных исторических традиций. В большинстве случаев это было восстановлением своих старых краевых или государственных гербов и переводом их цветов на национальные флаги.

(Окончание следует).

П. И. Кокунько.

Войсковой Старшина Ярошевич.

(Из недавнего прошлого).

С мая 1879 и по июль 1886 года я состоял в Ставропольском Юнкерском училище преподавателем истории и военно-инженерного искусства и вместе с тем командовал вторым взводом сотни юнкеров. Вот в этот промежуток времени попал ко мне во взвод юнкером и Ярошевич. По летам он, пожалуй, был немного и староват для этого почтенного ранга, о чем свидетельствовала его борода, клином спускавшаяся до половины груди, но вид имел он довольно моложавый. Немного ниже среднего роста, сухой, но довольно прочно сложенный, он не отличался той подвижностью и юркостью характера, которая так свойственна первой молодости. Всегда скромный, молчаливый, сдержанный во всем, Ярошевич держал себя на почтительном расстоянии от начальства. К нему нельзя было не относиться с некоторым уважением, хотя ни по успехам в науках, ни в строевом отношении он звезд с неба не хватал, но ко всему относился в высшей степени добросовестно. Так тихо и скромно он и прошел курс училища, но выпущен был по первому разряду. Ничто в нем тогда не выдавало того величия духа, которое сказалось впоследствии. Только почти постоянная его улыбка, которую можно было заметить по глазам — остальное было задрапировано усами и бородой — говорила, что он «себе на уме». Так же скромно и тихо, пользуясь общей любовью своих товарищей, провел он всю службу и в полку, где все его называли общим кумом, в силу того, что приходилось довольно таки частенько крестить у него, за что товарищи в отместку ночи всегда приглашали его крестить у себя.

После выпуска из училища Ярошевича я увидел его уже довольно пожилым есаулом, при формировании в 1914 году бригады для 2 льготной Кубанской дивизии. Все такой же тихий и скромный, как был и юнкером, только наружность изменилась в смысле возмужалости и борода, достигшая почти до пояса, невольно внушала некоторое почтение к ее всегда молчаливому обладателю. В это время он уже был довольно многочисленный

— у него были в живых четыре сына, из которых два офицера, один кадет или юнкер и 10-летний кадет и дочь, приблизительно 18 лет.

Не прошло и трех месяцев после выступления на фронт Запорожского полка, как в открытый в ст. Уманской госпиталь был эвакуирован раненый есаул Ярошевич. Подлечившись от раны, он отправился на фронт, чтобы через короткий промежуток явиться опять в госпиталь со второй раной. Далее уже пошло так, что не знаю случая, чтобы через известные промежутки, не превышавшие 2—3 месяцев, не являлся в нашем госпитале раненый Ярошевич. Не помню сколько раз это повторялось, но получалось такое впечатление, что он являлся на фронт только для того, чтобы его ранили. Приедет туда, там его подстрелят и он является обратно в Уманскую. Из всех ран две были особенно серьезные, — одна в шею, пуля чуть не задела сонную артерию, другая в левую сторону груди. По свидетельству врачей, пуля прошла близко около сердца в момент его сокращения, благодаря чему он и остался жив. Вероятно судьба берегла Ярошевича, чтобы показать в подходящий момент всю доблесть, на которую способен был этот человек.

В этот период времени он потерял одного из сыновей, убитого на Западном фронте. Сам же Ярошевич был произведен в Войсковые Старшины. Революция застала его в станице Уманской, кончающим лечение от последней раны. Сколько их было у него, я определить не могу, но во всяком случае не менее полдюжины.

В 1917 году Ярошевич принял Уманский резервный полк после убитого в стычке с большевиками его командира. Несколько раз безуспешно большевики пытались при нем занять станицу Уманскую. Во всех случаях натиска большевиков, Ярошевич старался не допустить их до станицы, преграждая им путь далеко от нее, чтобы лишить их возможности поддержки местных

большевиков. С винтовкою в руках Ярошевич сам шел в цепи. Много раз приходилось как офицерам, так и казакам выводить его оттуда, но это не помогало, так как при первом удобном случае он всегда оказывался в цепи наравне с прочими.

Станица Уманская была административным пунктом, в ней находилось Управление Ейским Отделом, ее положение и действие против большевиков служило примером для остальных станиц отдела, которые ни от кого не получали никаких указаний. Для большевиков было важно сломить ее сопротивление. Другая побудительная причина для более энергичного действия большевиков против Уманской заключалась в том, что станица эта находилась на железной дороге, соединяющей г. Ейск со станцией Сосыка Владикавказской ж. д., а для большевиков очень важно было беспрепятственное движение между двумя пунктами, находящимися в их руках, чему мешал Ярошевич частой порчей путей.

В феврале месяце 1918 года, большевики вели почти непрерывные бои с Корниловым, шедшим на юг, в районе станиц Екатериновской, Ново-Леушковской и проч. Нажим на станицу Уманскую в это время почти всегда был со стороны Ейска, где окончательно утвердились большевики. Естественно, что все внимание Ярошевича вследствие этого было обращено в сторону Ейска. Учтя это обстоятельство и видя, что попытки Корнилова перейти Владикавказскую ж. дорогу были отбиты и белая армия окончательно направилась к Кубани, большевики оторвали часть своих сил и бросили для окончательного захвата Ейской ж. дороги.

28 февраля первая колонна революционной юго-восточной армии под командой Казмина, имея во главе Латышский стрелковый полк, неожиданно захватила железнодорожную станцию Уманскую, на которую в поезде с двумя броневиками и прибыли латыши, сломив сопротивление слабого отряда полковника Быча в станице Павловской, который служил как бы заслоном для Уманской от большевиков, действующих против Корнилова и на который, быть может, надеялся и Ярошевич.

Около пяти часов вечера 28 февраля началась бомбардировка станицы со стороны большевиков. Щадили ли они жителей, между которыми много было иногородних, существовавших им, или же их артиллерия не отличалась искусством стрельбы, но большинство снарядов рвалось над новой церковной площадью, где находилось здание Управления Отдела и высшей народной школы.

Снаряды давали очень высокие разрывы и ни один из них не попал ни в одно здание. В общем бомбардировка эта, кроме нравственного смутения, никакого значения не имела. С наступлением темноты была слышна слишком сильная пулеметная перестрелка в конце станицы, со стороны станицы Павловской. К 10 часам все смолкло, а в полночь начались обыски по частным домам и квартирам по списку, заготовленному заранее местными большевиками. Они же и проводили обыски под видом отбирания оружия, но в сущности грабили все, что попадалось под руки и арестовывали тех, у кого грабили. Арестованных отправляли на железнодорожную станцию, где производилась сортировка: кого „вывести в расход“, кого отпустить.

С рассветом 1 марта были расстреляны около вокзала: генер. Зеньковский и Иван Павлович Бабич, есаулы Повалаев и Рыштога и казак Евко, а затем началось вылавливание по станице офицеров и расстрелы их на месте. Никак не могли найти Ярошевича. Наконец кто то из местных большевиков указал его квартиру одной из шаек большевиков. Шайка, человек 20-30, подошла к угловому домику, занимаемому Ярошеви-

чем, и нашла двери и окна в нем наглухо закрытыми и запертыми. На крик и стук в двери и ставни никто не откликнулся. Несколько человек подошли к дверям и начали выламывать их. Из дома в ответ последовали выстрелы, которыми был убит один и один ранен. Большевики отошли от дома и начали стрельбу по нем. Им не отвечали, но как только они приближались к дому, то из него опять раздавались выстрелы и опять не безрезультатно для большевиков, а сборище перед домом постепенно росло, росло и зверство толпы. Так продолжалось около часу времени. Более 10 трупов уже лежало около дома. Наконец главарь шайки, очевидно потеряв терпение, а за ним и несколько большевиков, с криком и руганью бросились к дверям, но в это время двери отворились и на пороге появилась девушка, лет, примерно, 20, с винтовкой в руках. Это была старшая дочь Ярошевича, а за нею отец и мать и моментально грянули три выстрела разом, от которых пал главарь и еще два человека. Остальные отхлынули назад, проважаемые так же выстрелами, которые не пропали даром. Ошалелая толпа не воспользовалась случаем, так была поражена она неожиданностью. Двери так же опять неожиданно захлопнулись на запор. Наступило минутное оцепенение толпы и полная тишина, после чего большевики подняли частую и беспорядочную стрельбу по дому во что попало. Партии большевиков, рассыпавшиеся по станице для вылавливания офицеров и лиц, враждебных большевизму, а так же и для грабежа, слыша усилившуюся перестрелку, хлынули вон из станицы к вокзалу, что дало возможность некоторым их жертвам скрыться из станицы. Но и после такого усиленного обстрела дома дело не изменилось и всякая попытка проникнуть в него не только не увенчивалась успехом, но и не обходилась даром. Очевидно большевикам хотелось захватить эту поистине героическую семью живьем, чтобы отвести свою зверскую душу надругательством над ними. Наконец, потеряв всякую надежду на это, они подошли дом и когда пламя охватило его с двух сторон и пробилось внутрь, осажденные, исключая самого Ярошевича, выскочили на двор и в ту же минуту были расстреляны, кроме 10-летнего кадета, которого как то образом умудрилась захватить и спрятать хозяйка подворья. Сам Ярошевич остался в доме и неизвестно, сгорел ли он живым или же застрелился. Обгорелые кости его были после найдены в пепелище пожара.

Так погибла доблестная семья одного из лучших кубанских казаков, сохранившего до конца дух старого Казачества и завет рыцаря-князя: „Лучше же бо погнати быти, неже полонену быти — мертвые бо сраму не имут“.

Тысячу лет тому назад произнесены были эти слова и вот теперь не словом, а делом воскресил их Ярошевич, чтобы прославить не только свое Войско, но и все Казачество, воспитав в этом духе не только себя, но и всю свою семью, не исключая и женщин. Забудем ли мы его? Забудем ли соратников его, бывших с ним в осаде, — жену, сына юнкера и славную воительницу Асту, дочь его?.. Да и двух старших сыновей, погибших так же при исполнении долга?.. Забудем ли, наконец, самый младший отпрыск этой доблестной семьи, единственный оставшийся в живых?.. Большевики почтили их с своей точки зрения достойным образом. Они оставили трупы неприкосновенными под открытым небом, на дворе в том месте, где расстреляли, выставив караул, неподпускавший к ним никого, кроме собак.

Только дня через три истерзанные тела были зарыты в землю по настоянию местных жителей, а надлежащим образом похоронены только осенью того года по освобождении станицы от большевиков.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

В. П. Елисеев (В. Петров).

Разные мнения.

„Всяк своему счастью кузнец“.

— А куда определить полагаете? — спросил каральный начальник.

— В Шляхетный корпус.

— Бесплезное, сударь, дело-с. Не время. Прием с осени бывает. И притом-с... Вы сами казак?

— Донской казак.

— Ну, вот, значит, и нельзя-с. Корпус открыт только для дворянских детей.

— Но я уже шестой год полковник... Имею Георгия...

— Полковник-то вы полковник, но...

— Что, но?

Но... казачий... Тут это не считается. Своим места не хватает.

— Что же я?.. Не русский что ли?

— Казак... („С нами Бог“. П. Краснов).

— Мнение русского человека о национальности, явившегося в Петербург с Дона Ивана Кузьмича Минаева. Иван Кузьмич — казак.

Мнение русского офицера о казачьем полковнике, Иване Кузьмиче (так называется казачий полковник в указанном романе П. Н. Краснова):

— Полковник-то вы полковник, но... казачий... Тут это не считается...

Между тем, по Красновской терминологии, этот казачий полковник, бия себя в грудь, сам себя добровольно бичует...

— Что же я?.. Не русский что-ли? — вопрошает он гневно. А русский человек ему все по носу...

— Казак... (Пойми, дескать, „садовая голова“)...

А посему в Шляхетный корпус казачьим детям поступать „нельзя-с. Бесплезное, сударь, дело-с... Своим места не хватает“... Не прмут, ибо казачество русским народом, как народность русская, „тут (в России В. Е.) не считается“. Наоборот и ясно. Считается за особую от русского народа народность — „народность казачью“, с плюсом к нему пренебрежительного „но“...

— Гражданин-то вы гражданин, но... казак, а не русский...

— Полковник-то вы полковник, но... казачий...

Откуда и следует, что, несмотря на верноподданнейшие заверения России Ивана Кузьмича и на все его дворянские заслуги (вплоть до Георгия), он не имеет права на определение своих детей-казачат в Петербургский Шляхетный корпус. И хотел бы поучить детей в Шляхетном корпусе, да „злосчастное казачье“ „но“ стоит ему колом в горле...

Это неблагодарное „но“ мучит Ивана Кузьмича всю его жизнь, всю жизнь оно его преследует (при всех своих верноподданнейших чувствах к России и при всех своих к ней заслугах, Ивана Кузьмича все же не считают за „своего“, за „русского“...), но устранение этого „но“ Иван Кузьмич слепо ищет в „казако-русском гражданстве“ и в настоящем, так сказать, русском образовании — Шляхетном корпусе. По его мнению, если дети окончат Шляхетный корпус, то и презренное „но“ от них очистится. (Подойдут, так сказать, ближе к „русскому“. Может быть, и прав тут Иван Кузьмич... Но не следует забывать, что, подходя ближе к „русскому“, казачья интеллигенция отходила дальше от „казачьего“...).

Бедный Иван Кузьмич! ... Будь ты ни только шестой год полковник и имей ты не только Георгия на груди, но будь ты с „семью пядями во лбу“ и то никогда не очистишься от „исконного“ твоего „но“, если будешь сам себя бичевать ненужной русскому человеку своей „русско-казачьей гражданственностью“...

Ну, разве не бедный Иван Кузьмич Минаев? — Русский человек его считает казаком, а он сам себя — русским.

— Что же я? Не русский что-ли?.. Поговорите, с Иваном Кузьмичем. Убедите, его, вероломного...

Что это?.. Вольное или невольное самобичевание? „Исконное“ недомыслие?.. Или это полумертвая пивьяка

или отощавший лесняк, тщетно присосавшийся к олодевшему трупу мертвеца?..

Или это, просто напросто, давно смердящий казак — выродок — „вымирающий зубр“, фигурирующий в наши дни только в монархических романах?..

Но, если уже беден Красновский казак Иван Кузьмич, то не менее его чудаковат и русский человек. Это, прямо, особый человек особого упрямства. Действительно, что у русского человека какая-то, ему только одному присущая, „статья“. А потому, смотрите, с какой „особой статью“ укладывается в его психике казачья народность. И отвергает „казачье“, как ему „несвое“, чужое и вместе с тем лопаается от досады, когда это „казачье“ проявляется в Казачестве.

Пишет русский человек о казачьей самостоятельности 1917 г., когда Россия сгорала в „красном пожаре, а Казачество искало свое спасение само в себе.

— Оказалось однако, что Россия не только разгромлена (кем? В. Е.), но вдобавок еще разделена и разграничена внутренними барьерами (? В. Е.). Для проезда в Екатеринодар нужно было проехать Царство Донское (ирония, конечно, в голове писавшего! В. Е.), не впускавшее в свои пределы без соответствующего пропуска. В Киеве, оказалось (все ему „оказывается“... В. Е.), имеется специальный донской походный атаман Зимовой станции — Черячукин, от которого выдача подобных пропусков зависела. Крепя сердце (? В. Е.), пришлось отправиться к сему атаману, который за некоторую, правда скромную, плату в пользу Всевеликого нас с Шебеко нужными пропусками и вооружил... На границе Всевеликого какая-то незначительная станция, превращившаяся в пограничную... (Архив Русской революции. Том XV. В. И. Гурко).

Досадует г. Гурко на „разделение“ и „разграничение“ России „внутренними барьерами“. Досадует так крепко, что принужден, чудак, „скреплять сердце“...

Екатеринодаром, где находился (и „приручал“ Кубань) штаб Добровольческой армии, г. Гурко сразу же, по приезде разочаровался. Разочаровался „порядками и приемами“ (если бы не случай, то г. Гурко пришлось бы спать на улице В. Е.) своей русской армии.

Но зато в Новочеркасске „Царства Донского“, где не существовало Добровольческих штабов, этот визитер „с момента приезда почувствовал себя в иной атмосфере спокойствия и нормальной, скажу прямо, прежней „русской жизни“ (не потому ли, что тут не было „русских?!“ В. Е.).

В Новочеркасске г. Гурко все понравилось. И вокзал, „где царствовал отменный порядок“, и не торговавшийся с ним извозчик, повезший г. Гурко „по установленной таксе“, и стоящие у Атаманского Дворца парные часовые, которых „один наружный вид свидетельствовал о наличии старой воинской дисциплины (понимай, конечно, под старой воинской дисциплиной „старую русскую дисциплину“ В. Е.), и сам Атаманский Дворец „поражал своей чистотой и опрятностью“, и вышедший навстречу г. Гурко „корректный, вежливый офицер, вероятно, ординарец атамана“, и „сытный обед за весьма умеренную, по сравнению с Екатеринодаром, цену“...

Словом, в „Царстве Донском“ все понравилось и все напомнило московскому визитеру о нормальной прежней „русской жизни“. Верхом нормальности „русской жизни“ Новочеркасска было то, что, когда г. Гурко прибыл обратно на вокзал, то „получил новое доказательство авторитетности атаманской власти — отделение вагона“, где он мог спокойно отдыхать и телом и душой („попржнему“) всю дорогу до самого Киева...

Все понравилось в Новочеркасске русскому человеку. И как понравилось!.. А, как у всякого русского патриота, сердце было страшно неспокойно. Болело. Болело за нее, Россию, в которой жизнь стала „ненормальной“. И понятно. Всякому кулику дорого свое болю. Всякий поймет боль г. Гурко... Но, поймите же и то, что, хотя Александр Македонский был человек и

воинственный, но зачем же „стулья ломать?..“ А г. Гурко их „ломает“. Да еще как!..

Вот какой спасительный рецепт предлагает он России за счет Казачества, говоря о Кубани.

— Установить прочные, нормальные отношения к Кубани и ее Правительству можно было двумя способами — либо насильственным подавлением кубанского сепаратизма (какой же силой он бы его подавил? Конечно, помнению г. Гурко, кубанский сепаратизм должен был бы быть подавлен самими же кубанцами... В. Е.) и завладением всей полнотой власти в Крае, либо, наоборот, полным невмешательством в дела местного гражданского управления и хотя бы временным (на время, так сказать, — до лучших времен... В. Е.), но безоговорочным признанием ее политической самостоятельности (один способ умный, а другой еще умнее!.. В. Е.).

Санжа Балыков.

К годовщине кончины Юрия Федоровича Гончарова.

Ровно год тому назад, в одну из суббот, покидая редакцию до понедельника, Юрий Федорович, продолжая наш разговор говорил мне:

— Если хотите знать, кто писал настоящим народным русским языком, то прочтите протопопа Аввакума, только он знал и писал народным языком, а ваш Ремизов, извините, только, кривляка в сравнении с ним.

Уязвленный за своего любимца Ремизова, я отыскал в воскресенье в калмыцкой библиотеке книгу Кизеветтера о протопопе Аввакуме, где нашел несколько выдержек из сочинений Аввакума, и в понедельник ехал в редакцию, чтобы поспорить с Юрием Федоровичем. Я готовился сказать ему, что если Аввакум и писал народным языком, то, конечно, языком народа того, —надцатого века, в котором он жил, и что его язык не может в наше время считаться народным, так как и язык народа видоизменяется из века в век, и т. д.

Каково же было мое огорчение, когда, придя, я узнал,

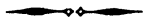
Ну, а здесь что?..

— Здесь, коротко сказать, — Казачество — как „вековой русский козел отпущения“ — с точки зрения московского сивого мерина...

Последнее мнение. Мнение самого Казачества о самом себе. Оно без всяких „но“... Ясное и понятное. И самому себе и всему миру.

— Всяк своему счастью кузнец!..

Не отрекаясь от своей собственной казачьей народности, а, наоборот, гордясь и дорожа ей, как приущим нам историческим правом, открыто и смело идти к общей всем нам, казакам Высокой цели, достойно Ей служить и, если нужно, за Нее умирать, сознавая, что служим и умираем ради нашего собственного (а не чужого нам!) счастья и благополучия...

Думы и мысли.

С. Савицкий. (Бразилія).

* * *

Як грім гриміла наша слава
Про запорожців козаків.
Вона й сьогодні не пропала
І далі піде в глиб віків...

Нащадки лицарів в неволі...
І Січ Нова, мов не жива...
Ночами чути, як у полі
Кричить, сумуючи, сова.

Нависла хмара над степами...
Рудою скроплена трава...
Кубань, засіяна кістками,
Душою й тілом умліва.

Наїздник лютий „рай“ будує,
З ножем кровавим у руці.
Вином козачу кров смакує,
А труп ховає у ріці;

Або собакам кине в полі
(Не вільно й тіла закопати!..)
А сам кричить: „Діждались волі!“
„Солбдко з нами раювать“...

Хай серце наше зкам'яніє,
Хай сльози висохнуть в очах,
Хай слово наше завіміє,
Хай будем ми... пекельний жах!

Як будем йти у бій за волю,
В степу душити павуків,
Що напоїли нас рудою, —
Підемо — зграєю вовків...

З заходу вітер повіває...
Шумить притоптана трава.
Козацтво слухає... палає...
Хай тільки блиске булава!..

Ив. Томаревский. (Болгария).

КАЗАКУ.

Помни, казак, свои были —
Жизнь своих дедов-отцов,
Как они волю любили,
Как за нее не щадили
Сил и казачьих голов.

Помни и к цели стремися
Всею казачьей душой —
С волею только мирися,
С злостью неправдой борися,
Будь ты самим лишь собой.

Пусть твой завет — одна воля —
Будет всегда на пути,
Не чья либо злая неволя, —
Казачья лучшая доля
На милой родимой степи!

Нашим будущим соседям — горцам.

Два раза я уже читал полемику „В. К.“ с „Горцами Кавказа“ и скажу откровенно, что не на шутку меня пугает мысль, что с такой работой мы далеко не уйдем. Да и действительно — посмотрите: с самого начала, когда еще ничего не сделано, а горцы уже начинают проводить границы. Господам горцам нужно твердо помнить жестокие уроки недавнего прошлого, когда окраины свои счеты и границы хотели разрешать штыками. Так не только не достигли своих целей, а даже не успели схватить в горсть родной земли на память.

Господа Горцы! До проведения границ у нас с вами сейчас серьезной, тяжелой и работы ответственной перед родиной очень много. Во первых, нужно организовать самим в себе. Во вторых, провести общую организацию и, в третьих, самое главное, освободить родные Края от ига красных диктаторов. Когда все это будет сделано, тогда придется спросить жителей спорных станиц и городов куда они желают присоединиться. Они нам укажут границу, а не мы с вами, находясь в изгнании, будем проводить ее.

21—III—1930. М. — О.

Е. Тишин.

Казачья пресса.

„Сибирский Казак“.

Редакцией „В. К.“ получена газета-однодневка „Сибирский Казак“, изданная в Харбине под редакцией Е. Березовского и А. Г. Грызова. Газета эта издана сибиряками к Николину дню (6-19 декабря, 1929) — Войсковому Празднику Сибирского казачьего Войска. Этим в большинстве определяется и содержание газеты. В коллективном поздравлении станичников с праздником, авторы передовой желают всем „сохранить бодрость душевную и телесную и стать достойными славного прошлого и светлого будущего, а страдное настоящее да послужит нам в наставление и вразумление.“

В газете помещена схематическая карта территории Сибирского казачьего Войска и „Памятка Сибирского к. Войска“ — краткая хронология исторических событий Войска.

Не все, с нашей точки зрения, так хорошо в „С. К.“, — тем не менее жаль, что это только однодневка. Казакам в Сибири и на Дальнем Востоке следует иметь свою прессу, следует поговорить самим о своей судьбе, следует перекликнуться с другими казаками...

Будем все же верить, что дождемся еще „Сибирского Казака“, а всем сибирским казакам — искренний привет!

„Кавказский Казак“.

Получена мартовская книжка „Кавказского Казака“ (№ 3—81 „Вольной Кубани“). Кроме обычной официальной части, информация „К. К.“ печатает сведения по письмам из дому и хронике казачьей, гл. образом кубанской эмиграции. В данном номере есть много материала о Перу. Только теперь начинает выясняться, как неудачна была организация первого переселения казаков в Перу и как много легковерия проявлено было по отношению к „концессионеру“ г. Королевичу.

Удивительно, как легко доверяют казаки „чужим“. Своим бы так может быть и не поверили бы...

„Казачий Журнал“.

Выходивший в прошлом году в Париже под редакцией г. Коновалова „Казачий Журнал“ прекратил свое существование.

Казачья эмиграция.

Вести из Перу.

В последнем (№ 3, 1 марта, 1930) номере „Кавказского Казака“ напечатан документ, проливающий некоторый свет на истинное положение вещей в Перу и на то, действительно тягчайшее положение поехавших туда казаков, в которое они там попали. Печатаемый ниже, он, этот документ, и одновременно полученная редакцией „В. К.“ копия письма ген. Павличенко к В. Атаманам лучше всего учат казаков тому, как не нужно делать таких необдуманных „предприятий“.

1. Постановление общего сбора казаков казачьей станицы на р. Апуримак от 23 декабря 1929 г.

Мы, казаки-колонисты на р. Апуримак, собравшись сего числа общим сбором для обсуждения мер с целью улучшения того тягчайшего положения, в котором очутились, постановили представить г. Директору Иммиграции и Колонизации Республики Перу следующее постановление, рассматривая г. Директора, как непосредственную нашу власть, от которой будет зависеть облегчение нашего положения.

Господин Директор!

В июне месяце 1929 г. мы прибыли в Респ. Перу под командованием ген. Павличенко, воодушевленные

содержанием тех публикаций, которые концессионер нашей иммиграции г. инж. В. Королевич давал в Европе приблизительно следующего содержания: что земли на которых мы находимся, будут очень плодородны и богаты, что это и есть в действительности, но что касается климата, то последний не является таким здоровым, как то указывалось в названных публикациях. Кроме того, в этих публикациях обещалось построить на месте, где обоснуется колония, необходимые на первое время жилища и госпиталь для врача, которого также не видно до настоящего дня.

Генерал Павличенко в предполагаемом предложении Правительства Перу увидел возможность переброски туда многих казаков, рассеянных в Европе, с благородным намерением найти для них новую родину, которой бы они с благодарностью служили. С этой целью он сформировал из нас 1-й контингент иммигрантов в Перу, как разведческую партию для будущих групп. Мы отправились из Европы, следуя за генералом, которого хорошо знали, полагая на него все надежды, уверенные, что никогда он не позволит эксплуатировать нас.

В месяце июле мы прибыли в Тамбо, место, где концессионер предложил нам работать на постройке дороги „Сина — Апуримак“, указывая, что земли для

колонизации еще не выбраны, но что с этой целью немедленно будет отправлена комиссия.

Мы начали работать на постройке дороги, при чем concessioner платил нам от 3 до 3½ солей за метр, обещая, что при этих условиях мы сможем зарабатывать 5-6 солей в день и таким образом собрать кое-что для будущих работ в Монтанья.

В течении первых же дней работы мы увидели невозможность для нас этой работы на высоте около 4.000 метров; мы зарабатывали не по 5-6 солей, а едва чтобы прожить. Индейцы, привыкшие к таким высотам, и те, мы уверены, не могут вырабатывать более одного метра дороги в день. Мы увидели, что работать так невозможно и просили concessionera отправить нас возможно скорее на землю, предназначенные нам, имея в виду, что прибыли мы сюда из Европы с целью быть колонистами, а не рабочими на постройке шоссе.

В м-це августе отправилась комиссия в Монтанья с целью выбора земель для нашей колонии, каковые земли и были выбраны на правом берегу Апуримака, против конвента „Animpiterique“.

В м-це октябре туда направилась первая группа из 27 человек, в ноябре — 2-я и так последовательно остальные, всего в общем около 70 человек; прибывали мы сюда во время, когда начиналась „зима“ — период дождей, и это не было время для работ из-за трудностей, которые представляет.

К нашему прибытию не были построены ни бараки, не были посланы ни жизненные припасы, ни доктор с медикаментами, отсутствовал также представитель concessionera; мы работали одни, содержа себя тем малым количеством жизненных припасов, которые мы могли приобрести за каких нибудь 10-15 солей, которые нам выдавались от положенных на месяц 30 солей на человека, так как остаток удерживался concessionerом на расходы по транспорту и за другие долги.

Через 2-3 недели после нашего прибытия кончились продукты, которые мы взяли с собой, и начались болезни среди нас, и сейчас, когда доктор Александр Рамос, присланный правительством позже, оставил нас из-за отсутствия жизненных припасов и жилища, наше положение, как и понятно, стало совершенно критическим. Более половины из нас — больны, остальные ухаживают за ними и в таких условиях работать, конечно, невозможно; наша единственная надежда на помощь Правительства: ведь боремся мы не только за себя, но и за благо целой страны.

Помимо всего указанного, мы не знаем ни условий нашей колонизации сюда, ни наших прав, ни обязанностей, так как это все вопросы, которых concessioner никогда не хотел разъяснить нам.

Сейчас хотя и недопустимо, чтобы люди переносили страдания, подобные нашим, мы все же имеем намерение ждать еще известный промежуток времени в надежде на помощь Правительства, которому настоящим манифестуем нашу стойкость до конца, как верные сыны этой Республики.

На основании всего изложенного, настоящим приговором уполномачиваем нашего генерала Павличенко, нашего единственного начальника, просить Правительство, а если будет нужно, и самого Президента Республики, о следующем:

1) Освободить нас от указанного concessionera, передав нас в ведение Правительства.

2) Если возможно, добиваться перевода колонии в новый район, более благоприятный по климату, а также и в смысле транспорта.

3) Чтобы Правительство издало колонии „Инструкцию“, в которой бы были точно указаны все права и обязанности колонистов, и вообще условия нашей колонизации.

4) Назначить генерала Павличенко начальником нашей колонии и мы уверены, что он обеспечит развитие и конечное благополучие колонии. Чтобы в будущем лишь он один имел право говорить от лица колонии, а не отдельные безответственные личности, как это уже имело место до сего времени, каковые личности из частных оснований покидали колонию. Таковыми лицам в будущем чтобы не оказывалась помощь

со стороны властей и не предавалась вера их словам и жалобам.

5) Просим все прошения и предложения, каковые в наше имя в будущем будет представлять генерал Павличенко Верховному Правлению, рассматривать как исходящие от всей колонии, так как настоящим постановлением колония дает ему полномочия самые широкие для того, чтобы он имел возможность привести к наилучшим результатам наши идеалы иммиграции казаков в Респ. Перу, которая будет для нас Новой Родиной Казаков, потерявших прежнюю свою Родину Россию из-за верности своим вековым традициям и из-за своей жертвенности в защиту Законного Порядка. (Следует 73 подписи казаков).

П. Копия письма ген. Павличенко В. Атаманам Донского, Кубанского, Терского и других казачьих Войск.

В 1929 году Петром Тихоновичем Королевич было мне предложено составить группу казаков для переселения и посадки на землю в республике Перу. Все условия, присланные братом Петра Королевича Василием Тихоновичем, заключавшим контракт с правительством, были очень заманчивы, — обещаны очень широкие возможности быстрого обогащения и устройства казаков в республике Перу.

Зная, как исстрадалось казачество в Европе, работая на фабриках, дорогах и перебиваясь часто случайными заработками, как природные земледельцы, стремящиеся к земле и приносимым землео благам, я решил с первой группой, пошедших за мною казаков, сам увидеть своими глазами и перенести вместе с казаками все, что их ждало в Перу.

Путешествие из Европы в Южную Америку было обставлено с большими удобствами; парадное общество Navigacion — General — Italiano дало казакам максимум удобств и привилегий. Судя по обстановке путешествия, предприятие обещало быть солидным. Казаки бодро и с большою надеждою приближались к обещанной-обетованной земле. Прибыв в Перу казаки были встречены как concessionerом, так и правительственными органами с большим энтузиазмом. Всюду и везде и повсем правительство шло навстречу казакам.

После недельного пребывания в Лиме мы отправились к месту поселения. В дороге и в первое время по прибытию все было к нашим услугам. Обласканные и окруженные заботами казаки и я сам в своих донесениях восторженно отзывались о жизни в Перу, называя республику второй родиной. Concessioner Василий Королевич своим заместителем, оставив на дороге и по организации колонизации своего брата Петра Королевича, уехал в Лиму, где и жил все время, якобы с той целью, что его удерживают дела связанные с постройкой дороги и исходатайствование всевозможных льгот и привилегий для казаков. Казалось, что все идет хорошо и нормально. Мы еще не знали ни климатических, ни экономических условий жизни в этих широтах. Возлагали все надежды на добросовестность, так хорошо принявшего нас concessionera. Благодаря незнанию языка и отдаленности от Лимы, мы многого не знали, что делалось вокруг нас, что для нас готовили. Казаки стали на работу в ожидании экспедиции по осмотру земли. Concessioner Василий Королевич отличным знающим климатические условия выбранного им района, как впоследствии выяснилось, умышленно отдаленного, с тем, чтобы увеличить километраж дороги, не организовывал экспедицию с тем, чтобы казаки работали на дороге и чтобы показать земли отведенные казакам в самое лучшее время года.

Наконец экспедиция отправилась. Члены экспедиции, попав в район сказочно богатый красивой тропической природой, сами увидели с какою быстротою и в каком количестве все произрастает, возвратились из экспедиции очарованные и полные надежд. Земля была выбрана concessionerом, но никто не был предупреден ни о лихорадке, ни о том, что часть этой земли заливается разливами реки Апуримак, ни о других неожиданностях, ожидавших казаков на отведенной им земле. В то же время Василий Королевич, зная все наперед и учитывая, что дорога строилась им не со-

лидно и что рано или поздно ему придется открывать свои карты и перед правительством и перед казаками, стремился выбрать как можно больше денег дабы обеспечить себя в будущем.

Все это делалось под видом устройства и обеспечения колонистов, а в действительности таилось другое. Казаки, работая на дороге, пришли к тому заключению, что эта работа далеко не так выгодна и заманчива, как обещал концессионер, и что гораздо выгоднее скорее сесть на землю. Это желание было передано Королевичам и, конечно, не понравилось им, так как они лишились работников по постройке дороги и должны были затратить значительные суммы на организацию колоний и перевозку казаков и их скарба на Апуримак.

С этого момента начинает выявляться нервность и раздражительность концессионера. С момента прибытия казаков в Перу, министерством помощи регулярно и без задержки отпускаясь 5.000 солей в месяц концессионеру для поддержки иммигрантов-казаков, какую сумму Королевич расходовал на свои нужды и постройку дороги, а все казаки работавшие на дороге жили на свои средства. Лишь с момента отправки на землю концессионером Королевичем стали производиться расходы на колонизацию. Было приобретено некоторое количество инструмента, выдано отправляющейся первой группе по тридцать солей на взрослого члена семьи, законтрактованы мулы и люди были отправлены на Апуримак. Что же приготовил Королевич для первого приема казаков? Были ли построены для них помещения? Был ли организован транспорт для питания казаков? — Только на словах. Люди, прибыв на Апуримак были радушно приняты монахами францисканцами, разместившими казаков в имевшихся помещениях монастыря.

Земля казакам была отведена на другой стороне Апуримака, шириною в 200 метров и ни одной лодки Королевичем не было дано. Здесь казаки собственной своей инициативой, при помощи тех же монахов нашли выход из положения в надежде на помощь Королевича, учитывая, что организация и всякое начало трудно. Монахи дали два челна, казаки стали строить плоты. Читающие это донесение, не побывав на месте, не могут себе представить тех героических усилий, которые были проявлены казаками при организации своей жизни на Апуримаке. Но что мог сделать каждый в отдельности, когда уже была подорвана вера в массу и не видно было доброй воли концессионера, тратившего огромные суммы на свои удобства, покупавшего жене бриллианты, меха, роскошный автомобиль.

Концессионер в Лиме, имея большие связи, лгал всем, скрывал от президента правду и все, что было ему невыгодно покупал деньгами. Все это я узнал и должен был по долгу казака, принявшего на себя массу обязательств, — перед своею совестью, атаманами, дорогому моему сердцу казачеству, бороться с этим злом. Как, какими средствами? Я человек новый, средств нет, но есть воля, энергия и сознание долга перед родным казачеством. Затаив в сердце обиду за нанесенное казачеству оскорбление со стороны концессионера, при широкой помощи и чистосердечном отношении правительства к казакам я решил организовать джигитовку с целью пропаганды казачьих идей и возможности вырваться из цепких лап концессионера (доказательство прилагаю).

Петр Королевич, как опытный эксплуататор, сидя за столом говорит Василию Королевичу: „Я чувствую, что хочет генерал Павличенко. Не допускай этой джигитовки. Они, т. е. казаки, завоеуют симпатии всех слоев населения до президента включительно и тогда наше педосия (торговля) пропадет“.

На это Василий Королевич ответил: „Ну Петя, я же понимаю, что делать. Эта торговля. Генерал с джигитами укрепит симпатии, а я на этом сделаю дело. Деньги генерал Павличенко вернет. Он человек честный“. На этом разговор кончился. Подготовив лошадей и одев в национальную форму казаков я отправился в Лиму ко дню национального праздника, оставив своим заместителем полковника Гуреева, поручив ему иметь заботу о казаках, организовать транспорт для подвоза

продуктов в Монтанью. Вскоре после моего отъезда Гуреев с семьею выехал в Монтанью со второю группой казаков. Приехав на Апуримак ему было трудно наладить работы по организации колонии во-первых потому, что первая группа казаков приехавших в Перу была собрана наспех, из людей привыкших к фабрикам и заводам, любивших прежде рюмку водки нежели работу, во-вторых со стороны концессионера не было никакой поддержки да и вообще обстановка была не располагающая к работе.

Казак утром должен приготовить себе пищу, спечь пышек, а затем переправляться на другую сторону Апуримака для работы на своей земле. Приступить к немедленной постройке домов на своих участках не было возможности, так как для этого необходимо было приготовить участок. На приготовление пищи и переезда через Апуримак, отличавшийся очень быстрым течением, уходило половина времени. Семейным казакам было много легче, так как они занимались исключительно мужским трудом и успевали значительно больше. Люди помещенные в конвенте не имели достаточно помещений, жили очень скученно. Наступил дождливый период, люди начали болеть болотной лихорадкой. О работе и постройке своими силами домов не могло быть и речи. Правительством был срочно выслан доктор и медикаменты. В то же время я должен был довести до конца начатое дело, дабы вырваться от концессионера и получить возможность самостоятельно выбрать здоровый район для поселения казаков. Прибыв в Лиму ко дню национального праздника я под высоким покровительством президента республики разослал 800 бесплатных билетов, в присутствии президента республики, всех министров, дипломатического корпуса, сенаторов, депутатов, представителей печати и чинов армии, дал первую джигитовку.

Президент открыл джигитовку, которая началась рубкою лозы (фотографию прилагаю). Джигитовка прошла с большим энтузиазмом у публики и окончилась колоссальным моральным успехом. Президент был в восторге. В момент номера „вертун“ лошадь подхорунжего Синченко падает через голову. В публике испуг. С дамами истерика. Казалось бы человек должен был быть убит, но к общему удивлению и радости публики лошадь вскакивает, подхорунжий Синченко уже на ней и как ни в чем не бывало продолжает очередные номера.

Президент вздохнул, обернулся к военному министру и сказал: „esto jentis“ (это наездник) и пожелал после джигитовки видеть казаков у себя и с ними сняться. По окончании джигитовки президент передал подхорунжему Синченко серебряный кубок, как лучшему наезднику, сказав казакам в присутствии депутатов и сенаторов, что он будет всегда покровителем казаков. (Все снимки посылаю полковнику Соломахину, для распространения в печати).

Укрепив свои позиции я на третий день был уже у министра земледелия и передал ему доклад, прося его об освобождении казаков от „доброжелателей“ братьев Королевич и о переходе казаков под покровительство правительства с правом выбора нового, здорового места для устройства колоний.

Несмотря на все попытки Королевичей отстоять свои позиции, им это не удалось и люди были вырваны из цепких рук, строивших личное благополучие на казаках. Та часть казаков, которая раньше работала у Королевичей, убедившись в его несправедливости, отказалась от него. И вот когда пришлось трудно все пришли ко мне и спросили: „Как быть, что делать?“

Возвратившись из Лимы я срочно перевез всех казаков из нездорового района в горный район Тамбо, где люди до апреля отдохнут, подкормятся и окрепнут. Для выбора замли и места поселения организовал экспедицию из казаков, которые выберут сами себе землю и отведут землю для станции.

В колонии немедленно организовую лесопилку, приступаю к постройке домов, больницы и помещений для казаков, которые будут прибывать впоследствии. До тех пор пока не соберем урожая и не создадим собственных запасов продовольствия я воздержусь от дальнейших требований на перевозку сюда казаков. Когда бу-

дет все готово пусть смело едут. Правда, многие приехавшие со мною уходят работать на фабрики и заводы, но и они вернуться, так как работу найти трудно. Ушедшим я прекращаю выдачу денег на довольствие. Я делаю все, что могу и если к вам поступят жалобы против казаков, не верьте никому, ибо они исходят от людей, отделившихся и чем либо не довольные, которые уже самим фактом отделения приносят нам много неприятностей, не желают помочь переселению казаков в Перу. Это люди или слабые или не честные. Атаманы должны верить и своему представителю или приговору подписанному всеми казаками станицы. Всем известно, что люди в последнее время разболтались, что забывают о казачестве и вообще если кто пообещает больше, то забывают общие интересы и дружбу. Любят поинтриговать и вообще большинство стремится только к своим личным выгодам. На этой почве могут возникнуть и споры и всякие недоразумения, а также и несправедливые информации. Оставили колонию: отец и сын Алюмины, Подколязин, Бао, Усатов. Видно, что и некоторые видные казаки ведут двойную политику, но о них я еще не буду обобщать, это вопрос будущего. К великому огорчению должен сообщить, что приехавший в Перу полковник Донского Войска Ковалев, стоит всецело на стороне концессионера, потокая ему во всем во вред общему делу казачества. Такое его поведение могу объяснить только тем, что он, сидя в Лиме без работы пользуется материальной поддержкой Королевича, забывая об интересах общеказачьих. Этот полковник Ковалев не приехал с нашей группой, а зная очень хорошо испанский язык прибыл самостоятельно в Перу и занимается переводом книг и состоит корреспондентом в некоторых газетах. Есть люди честные, которые думают не только о себе, а о целом казачестве и его благе — эти останутся со мною и будут работать для тех, которые приедут.

Уезжая я дал слово Кубанскому атаману ни при каких условиях не бросать казаков. Несмотря ни на что я беру на себя тяжелую ответственность за судьбу пошедших за мною людей и, отбрасывая личные выгоды, доведу дело до желанного конца. При поддержке и симпатии местного духовенства и населения мы выберем лучшие терренны, пригодные для всяких культур и здоровые климатически, а не выгодные только концессионеру. Как доказательство симпатии населения прилагаю копию телеграммы, подписанную виднейшими жителями провинции в которой живут казаки, в виде протеста на статью Королевича, направленную против меня и казаков. А также экземпляр договора с правительством о колонизации. Список всех казаков, остающихся в колонии и желающих продолжать общее дело пришел в следующем донесении. Еще раз обращаюсь через Атамана с просьбой к казакам не разрушать организацию и ехать только на землю, где каждый в течении года будет получать пособие, а люди рассчитывающие устроиться в городах заранее обречены на голод и разочарование и немедленно лишаются пайка.

Правительственный шеф колонии и Войсковой Атаман: генерал Павличенко. Адъютант: сотник Черепов. Представитель Атамана в Лиме полковник: (подпись неразборчива). Станичный писарь: сотник Ветров.

У калмыков в Белграде.

Белый месяц. Белградские казаки-калмыки, при наличии Буддийского Храма, смогли отпраздновать свой большой праздник Цаган-Сара при более торжественной обстановке и со всеми обрядами присущими ему. Богослужение началось с вечера и тянулось до половины четвертого и после часового перерыва до восьми утра.

Тесно, прижавшись друг к другу, расположились, сидя на полу в храме, калмыки и калмычки. Были тут и дети и старики, убитые сединами. Чувствовалась замкнутая, тесная, плечо к плечу, рука к руке, спаянная возвышенным чувством религиозности одна неразрывная семья. Есть что то трогательное в том, что всем присутствующим, тут-же, в храме разносят сладости, печенье, фрукты, борщыки, поют калмыцким чаем и т. д.

— все, что с собой принесли в храм собравшиеся. Все это было нарезано и из больших тазов раздается среди молящихся.

Тянутся однообразные гортанные молитвы бакши и гелюнов, мягко стучат бубны-кенкерта и, изредка, бакша, ударяя в медные тарелки, усиляет темп, а звенящие, подобранные колокольчики разносят радостную весть о грядущей заре, с приходом которой рухнул последний оплот противников Будды...

Ночь бдения прошла.

Ушли грехи, забыты или забудутся былые страдания, рассеялась черная прохладная ночь, пришел Белый месяц, наступил Белый месяц — Цаган-Сара.

Служба окончена. Все кланяются и несут сперва на алтарь, потом бакше свои скромные дары. Бакша приглашает всех закусить в другие комнаты, отпраздновать первый день. Не вставая со своего места, говорит он всем собравшимся за столом свое слово. Его переводит др. Хара-Даван:

— Гг. Ввиду того, что здесь присутствуют казаки не калмыки, я переведу только что сказанную речь нашего бакши Умальдинова. Он сказал, что он, бакша испытывает нравственное удовлетворение, совершая службу на великий наш праздник Цаган-Сара в своем калмыцком храме. Он счастлив, что вся наства собралась помолиться в эту ночь и, сейчас, за нашей трапезой, вкратце рассказал жизнь Будды. Как трудно было Ему, достигшему степени Будды в 38 лет, проповедывать свое высоко-философское и чистое учение в атмосфере косности и непонимания со стороны широких масс, при наличии в те времена в Индии сильного религиозного движения... Сколько героических усилий пришлось ему совершить, чтобы к 56 годам своей жизни увидеть достижение своей цели. Мы празднуем тот момент, когда один из его учеников был заключен в темницу и, после долгого томления, был освобожден своими последователями. Этот восход солнца, который мы встретили сегодня, знаменует торжество и победу Буддизма. Когда к Будде пришли индийские раджи и сановники, когда пришли тысячи уверовавших и поклонились Ему, он увидел, что Истина восторжествовала.

Проведенная нами в бдении ночь почитается тысячелетиями. В три часа — ученик Будды был освобожден из плена, а на заре, вкусенная нами трапеза, тоже знаменует святой обряд.

Благословляя ее, Будда сказал:

— „Радуйтесь и вкушайте всех благ земных и наслаждайтесь ими“.

У стола калмыцкий мужской хор запел свои песни и ожила в них прекрасная, вечно-любимая казачья степь, заструился Тихий Дон и полноводная Волга — в этих песнях и свист аркана, и пение стрелы, и конский топот.

После мужчин, выступили женщины. Посуществу, калмычки поют песни своих мужей — та-же ширь, тот же степной воинственный напев, и та-же глубокая затененная печаль.

В 9½ часов гости расходятся. Гелюны обнимаются с казаками при расставании. Все радостны и оживлены. Эти дни будут полны дружеских встреч, бесед и надежд.

Пришел Белый месяц, наступил Белый месяц — Цаган-Сара.
1 марта, 1930.

(Соб. Кор.)

Из жизни калмыков в эмиграции.

15 февраля с. г. состоялось годовое собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР. Присутствовали на собрании все члены Комиссии. Председатель Комиссии Б. Н. Уланов сделал обстоятельный доклад об общей деятельности комиссии за истекший год и о плане работы комиссии на будущий. Секретарь комиссии Ш. Н. Баинов делает подробный доклад о финансовом состоянии комиссии и предлагает вниманию Собрания принятый Президиумом проект сметы на 1930 г. Затем председатель ревизионной комиссии Д. И. Ремильев делает доклад о ревизии дел.

Общее годовое собрание Калмыцкой Комиссии К.

Р. в ЧСР, заслушав и обсудив доклады президиума комиссии и ревизионной комиссии за прошлый отчетный год, постановило:

1. Деятельность Президиума за отчетный год одобрить.

2. Финансовый отчет за 1929 г. утвердить.

3. План работы на 1930 г. принять.

4. Смету на 1930 г. утвердить.

5. Доклад Рев. Комиссии принять к сведению.

На 1930 г. Президиум Комиссии избирается в следующем составе: председатель Б. Н. Уланов, заместителем — Э. К. Николаев, членом президиума — Ш. Н. Балинов и секретарем — Э. М. Бурульдушов.

Собрание выражает благодарность б. секретарю комиссии Ш. Н. Балинову за его 7-ми летнюю непрерывную и плодотворную работу в качестве секретаря.

Ревизионная комиссия избирается в составе: С. Б. Балыков, Б. Б. Бембетов и А. Б. Шурганов.

Согласно поданного комиссии письменного заявления принимаются в состав комиссии следующие лица: У. Д. Алексеев, Б. И. Иванов, С. Ш. Балданов, С. Н. Шандропов, Г. С. Егоркин и С. Б. Аршинов.

Затем собрание единогласно принимает следующую резолюцию:

„Общее годичное собрание Калмыцкой Комиссии Культурных Работников в ЧСР, отмечая умышленное и систематическое уклонение от выполнения своих обязанностей членов Комиссии С. У. Степанова и М. Даржинова, а также факт их нахождения в составе организации под именем „Союз Калмыков в ЧСР“, возглавляемым лицом, исключенным из состава Комиссии и проявляющим попытку дискредитирования авторитета К. К. К. Р. — упомянутых членов Комиссии — Степанова и Даржинова — исключить из состава Комиссии“.

1 марта с. г. калмыцкая колония в Праге праздновала свой годовой национальный калмыцкий праздник „Цаган“. Благодаря единодушной моральной и материальной поддержке всех калмыцких эмигрантских колоний за границей, празднование в этом году было очень удачным.

6 марта сего года по случаю национального праздника Цаган Калмыцкая комиссия устроила вечер для учащейся молодежи. Для этого вечера была специально написана Д. Н. Баяновой маленькая бытовая сценка „Калмыцкая вечеринка“. Участие в постановке этой сценки приняли гимназисты разных классов, студенты и любители. Вечер прошел прекрасно, бытовая сценка вызвала восхищение публики, переполнившей большой зал Соколовны. Восторг вызвала декламация детишек: Б. Уланова, Г. Улановой — на русском языке, Б. Чанчинова — на французском, Б. Хохлашова — на калмыцком. Струнный оркестр учеников, великолепные сокольские номера учеников на турнике, „Казачек“ студента Стефанова, лезгинка, исполненная Л. КокOLEвским, выступление балерины Чешского Народного театра sl. Jetta Jadyla, великолепное пение молодой певицы Ксении Замбрижской („Жаворонок“), под аккомпанимент матери г-жи М. О. Замбрижской имели полный и заслуженный успех у публики. Вечер закончился прекрасным сольным пением „вечно молодого“ В. А. Левицкого и дуэтом его с своей супругой М. А. Левицкой, под аккомпанимент г-жи Е. Л. Колачовой.

После окончания программы состоялись танцы.

7 марта с. г. Калмыцкая Комиссия устроила торжественное заседание Комиссии по случаю 80-ти летнего юбилея первого Президента Чехословацкой Республики Масарика.

„Калмыцкая вечеринка“.

Председатель Комиссии Б. Н. Уланов, сказав вступительное слово на калмыцком и русском языках, огласил приветствия През. Масарика, присланные калмыцкими организациями из заграницы: Франции и Югославии. „Союз Калмыков в Париже“, „Калмыцкий Хутор“ в департаменте Изер, „Союз Калмыков“ в Десине, Калмыцкая Колония в Куероне во главе со старейшим Бакшей Нимбушовым, Калмыцкая Колония в Верту (Нант) во Франции и Калмыцкий Буддийский Совет в Югославии прислали свои письменные приветствия, покрытые многочисленными подписями, Президенту Масарика. Все эти приветствия председателем Комиссии Улановым и членом Комиссии С. Балыковым переданы по назначению.

После вступительного слова председателя доклад на тему: „Жизнь и деятельность през. Масарика“ сделал Н. Б. Уланов, студент Карлова университета. С. Б. Баянов сделал доклад на тему: „Политическая деятельность през. Масарика за последние 10 лет“. Затем С. Б. Балыков прочитал свой рассказ „Неизвестный Чех“, посвященный юбилею през. Масарика. В заключении д-р философии Э. К. Николаев сделал доклад на тему: „Масарик — философ“.

В красивом и уютном зале „Чешской Коруну“ собралась небольшая калмыцкая семья, дополненная друзьями и знакомыми, заполнившими зал, от души и

искренно приветствовала одного из величайших деятелей современного человечества и неутомимого борца за свободу человеческой личности, за свободу народной совести, величайшего защитника „малых“ народов, стойкого заступника „униженных и оскорбленных“.

Эта сердечность и искренность была понята собравшимися гостями, которые единодушными и шумными аплодисментами провожали всех докладчиков.

Ш. Б.

Жизнь казаков в Вел. Бечкереке.

В городе Великом Бечкереке, т. н. центре Банатской области и торгово-фабричном городе, несколько сотен казаков разных Войск нашли себе убежище и труд. Казаки находятся здесь на различных работах. Многие из них работают на сахарной фабрике, а не меньше их работает на местной железнодорожной фабрике по opravке вагонов. Из них же большее количество заделались мастерами. Трудно... но всегда вынося заданую им работу, успевают вспоминать про свои оставленные курени...

Несколько казаков еще с 1921 г. работают на пивоваренном заводе, где заслужили себе большие симпатии со стороны управляющих фабрики и они их так же ценят, как и своих земляков сербов.

Все казаки здесь 10 лет жили дружно, никогда не ссорясь, часто сходились в одну свою казацкую семью, где думали одну и ту же казацкую думушку.

Теперь порешили сбиться в одну казацкую станицу т. е. „Донскую имени Атамана Каледина“ станицу. Станичным атаманом выбрали Б. Упорникова.

Дай Бог расцвета новооснованной станице.

Г. А.

Р. С. № 53 „В. К.“ на странице 21-й, вкралась досадная ошибка в статье „Казаки в Уздине“. Следует читать: станицы Верхне-Курморской, а не Нижне-Курморской.

А. Г.

Жаровцы в Праге.

17 марта в зале „Люцерна“ пел „хор Донских казаков“ под управлением Жарова. Выступление хора имело обычный успех. Громадный зал и все три боковые яруса были переполнены. Публика много аплодировала, вызывала и вообще, время от времени, продолжительно бесновалась.

Есть люди и вещи с такой твердо установившейся репутацией и такой общезвестной славой, что ими легче всего бывает восторгаться и этим самым причислять себя к сонму знатоков и ценителей предмета. К числу таких явлений относится и хор Жарова. Его очень легко и просто похвалить и наоборот.

Будучи не профессионалом-критиком певческого искусства, я не претендую на особенную авторитетность своего суждения и высказываюсь во-первых, как рядовой слушатель и как казак, во-вторых.

Я вынес впечатление, что хор больше занимается всякими выкрутасами, неожиданными фортелями в пении, чем хорошим хоровым пением. Очень уж много всяких мычаний, кваканий, а в одной песне, кажется, даже было слышно ляние... Хор явно грешит звукоподражаниями.

Для неизбалованных хорошим хоровым пением европейцев, может быть, все это и здорово, но для знатоков и любителей хорового пения, думаю, что нет. И Жаров, увлекаясь такими новшествами, прав постольку, поскольку необходимо ублажить богатых европейцев, которых нужно сломить всякими резкостями.

Сердцу казака хор ничего не говорит. Во всем репертуаре вечера были только две „казацьи“ песни, если не считать „Стеньки Разина“. Эти две песни были специфически казенные: „За великую Россию сладко смерть принять; за царя и за Россию“ и т. д.

Казацкое в „Донском Казачьем хоре“ — только звание, лампасы, да несколько хористов. Называться, конечно, можно, „пусть называется“, форму тоже позволительно носить, не худо также в „Казачьем“ хоре иметь несколько казаков, — против всего этого протестовать нельзя. Жаровский хор носит свое название точно на таком же основании, на каком какой-нибудь племенной жеребец носит имя Гомера. Нельзя претендовать на

то, чтобы Жаровцы ездили бы по свету и услаждали казаков их песнями, но угостить их хотя тремя, но настоящими казацкими песнями следовало бы.

Потом, не могу не сказать пары слов о церковных песнях в исполнении Жаровцев. Хотя я и не христианин, но церковное хоровое пение часто слышал и, признаюсь, оно всегда на меня действовало. Жаровцы же так лихо спели две молитвы, что... стало весело. Не знаю какое впечатление производит такое „концертное“ пение молитв на самих христиан, но меня, буддиста, оно смутило.

Как известно, в эмиграции есть два популярных хора, носящих имя „Казачьих“. И вот, мне приходилось наблюдать, как некоторые, разбирая пение этих хоров, допускали много субъективного, в зависимости от наличия в том или другом хоре друзей или наоборот.

У меня лично нет таких ни в одном из этих хоров и моему сердцу они совершенно одинаково милы, но, положив руку на сердце, должен сказать, что казачку хор Кострюкова (платовцы) ближе, чем хор Жарова. У Кострюковцев хоть и не много, но все же больше казацких песен, чем у Жаровцев, да и в самом хоре Кострюкова процент настоящих казаков, знающих свою песню, несравненно больше, поэтому морального права называться „Донским Казачьим хором“ у Кострюковцев тоже больше, чем у Жаровцев.

С. Балыков.

Перевыборы в Белградской студенческой станице.

На очередных перевыборах выбраны на должность атамана — А. П. Беломестнов (куб.), помощником — П. Голицын (дон.), писарем — В. Курганский (куб.).

Собрание состоялось в три часа дня, 16 марта 1930 г. в помещении Куб. Канцелярии.

(Соб. кор.)

На памятник Ю. Гончарову.

В редакцию „В. К.“ от инженера А. Жученкова (из Гродно) поступило 10 польских золотых на памятник покойному донскому поэту Юрию Федоровичу Гончарову.

Новая казацкая книжка.

В Париже вышла из печати небольшая книжка полковника Ф. Елисеева — „История Войскового Гимна Кубанского Казачьего Войска“. К книжке приложены две фотографии: портрет б. командира 1-го Кавказского полка полковника Эльмурза Мистулова (на лошади) и группа казаков-кавказцев со своим полковым адъютантом хорунжим Ф. И. Елисеевым.

Цена книжки (с пересылкой) 5 франк. Выписывать можно от автора: M-eur Elisseef, 10, rue des Cordeliers, Paris (13), France.

В Казачьих Землях.

На тракторном фронте.

Из Ростова 3 марта московской „Правде“ сообщали что, до начала полевых работ осталось 7—8 дней. Между тем, по сведениям краевого земельного управления, в крае не отремонтированы шестьсот двадцать пять тракторов. Ремонт задерживается, главным образом, из-за недостатка запасных частей. Запасные части, изготовляемые на заводах края, или не прибыли на места, или не оказали существенного влияния на их ремонт.

В некоторых округах продолжается „довывявление“ больных тракторов. Так, Кубанский и Армавирский округа, у которых ремонт, судя по их сводке, подошел уже к концу, за последние дни „внезапно“ довыявили около 100 больных тракторов. Эти факты дискредитируют даваемые округами сводки и показывают,

что угроза невыхода на полевые работы сотен тракторов вполне реальна.

Протравливатели не в пору.

„Правда“, 24 февраля, сообщает, что на Северный Кавказ для протравливания семян должны были быть завезены протравители — формалина 120 тонн, и медного купороса 100 тонн. До сих пор получено только 19 тонн медного купороса. Протравители, особенно сухие, нужны немедленно. Плану протравливания грозит срыв. До наступления сева в южной части края остаются дни, между тем, главная масса сухих протравителей намечается к отгрузке в марте — мае, когда, по условиям Северного Кавказа, они уже будут не нужны.

Обманчивые сводки.

Собственный корреспондент „Правды“ телеграфировал этой газете 28 февраля, что произведенное краевой рабоче-крестьянской инспекцией обследование показало, что в некоторых местах количество собранного семенного зерна не соответствует сведениям, представленным в округа районами. В колхозе имени Ленина (Ессентуки, Терского округа) селян оказалось в наличии на 40 проц. меньше, чем числилось по сводке.

Исключительную находчивость проявил Георгиевский район, Терского округа. Район показал в сводке, что собрано 13.135 центнеров, в то время как на самом деле это был лишь план сбора.

„Землеустройство“.

„Правда“, 9 марта, сообщает о том, что в Ростове землеустройство колхозов должно было закончиться к 10 марта. На сегодняшний день (8. III.) выполнено 90 проц. плана. В целом ряде округов — Донецком, Донском, Ставропольском и других — проведены все работы. Земли колхозников отграничены от земель единоличников, определены яровой и паровой клинья, каждый из этих клиньев разбит на участки по отдельным культурам и бригадам.

По заявлению работников организации территории краевого земельного управления, к 12—15 марта землеустройство будет полностью закончено по всему краю.

В отдельных местах положение внушает опасения. В Львовском районе, Армавирского округа, выполнено лишь немного больше половины плана; в Ессентуком и Грозненском районах, в которых надо устроить свыше 230 тысяч гектаров, до конца февраля не было отведено ни одного гектара. Сильно отстает Шахтинский округ, в котором землеустройство вряд ли закончится к середине марта. Основная масса землеустроителей, несмотря на опоздание с началом работ, сумела взять боевые темпы. Были, однако, случаи разгильдяйства, медлительности, самовольных отлучек с работы и т. д. (Азовский район и др.)

„Правда“, 26 февраля, сообщает, что в Донском округе землеустроители выехали на места только в начале февраля. Шахтинское окружное земельное управление тоже не спешило с высылкой землеустроителей.

Хуже всего в Армавирском округе. Там до сих пор лишь раскачиваются, особенно в Армавирском районе. В Кубанском округе тоже есть опоздания. В Абинском районе до сих пор не отведено ни одного гектара, районный земельный отдел предполагает закончить обмерку полос к началу марта и то лишь в том случае, если удастся организовать 16 дополнительных партий мерщиков. Такая же медлительность отмечается в Майкопском, Сальском и Терском округах. Таким образом ни в одном округе территория колхозов еще не обмежована.

Неугомонный не дремлет враг.

В „Правде“ за 7 марта находим такие признания о положении „на внутреннем фронте“: „Кулака в станицах и селах Северного Кавказа в основном можно считать раскулаченным, средства эксплуатации (??) кого? уж не сов. власти ли? прим. ред.) у него отобраны. Организация коллективного хозяйства упраздняет условия его возникновения, он взят в железное кольцо колхозов, но это отнюдь не означает, что трудности и опасности уже сняты и что борьба с ним кончена, как некоторые думают. Остался разоренный и озлобленный кулак-буржуа, который будет делать все, для того, чтобы вредить и подрывать самыми различными путями колхозы. Вот почему всякие разговоры об исчезнувшей кулацкой опасности были бы величайшим вредом. Всюду и везде должна быть обеспечена величайшая организованность и бдительность в отношении ко всяким попыткам кулацкого вредительства.“

Наряду с этим трудности будут еще простекать и от того, что мелкобуржуазная, мелко собственническая стихия в колхозах будет прорываться на том или ином

участке при проведении того или иного мероприятия в колхозном строительстве“.

Перед севом.

В „Известиях“, 4 марта, напечатана корреспонденция В. Ставского из станицы Полтавской на Кубани, довольно ярко передающая станичные настроения перед весенним севом. Ставский пишет: „21 февраля впервые за десять дней теплый ветер разогнал тучи. Над степью поплыли хлопья испарений от зяблевой вспашки. „Синева-черные взгорки, битые дороги расквасились и задымились. Еще несколько дней и — весна, сев. Но семена?“

„Кубань — сытая, запашистая, благодатная Кубань — ей то рассчитывать на ввоз нечего, а своих семян собрано меньше половины.“

„Собрания, увещевания хлеборобов, индивидуальные обходы с беседами по дворам. И опять собрания. Утром и днем, вечером и до поздней ночи. „А зерно сдают туго. И как часто слышится: „Нема зерна, нема!““

„Это „нема“ — не ново. Оно слышалось и во время всех трех хлебозаготовок.“

— Придут наши из-за границы — мы, вас будем резать, — не скрывая, говорит уманский кулак Пацюк.

В Атамановской на воротах избы красного партизана появляется записка:

„Уходи, а то убьем...“

„Враг хочет сорвать сев, бьется за каждую горсть зерна.“

В пятидесяти дворах станицы Уманской идут ежевечерние до поздней ночи собрания. Станица говорит и говорит без конца.

Дом ликвидированного кулака Башмака просторный, вместительный. Зал полон. Колхозники и на лавках, и стоят, а на полу разместились. Тускло светит настольная лампа, за столом учительницы ведут канцелярию пятидесятидворки. Старик Харченко, Данил Герасимович, перебирает серебряные пряди бороды, и глаза его блестят из-под папахы.

— Нема зерна... Мы рассчитывали по осени семена на четырехполку, а теперь многополье... Рассчеты нас погубили, — говорит он тихо.

Кривошеев Трофим Георгиевич, сидя на полу, постукивая железной палкой по голенищу и потрагивая обвислые рыжие усы, пускается в рассуждения: „Оно, конечно, зерно есть. Вот бабка у одного як муравей таскает на базар мешками“.

К Тимошееву обращаются с вопросами относительно количества сданного им зерна. После долгих попыток было выяснено, что он не додал пол центнера. Когда же его спросили, почему он не сказал этого сразу, у него, как пишет Ставский, прорывается вдрог:

„Ми ще не знаем скільки нам землі дадуть, як воно буде в колхозі“.

„Раскулачивание“.

В „Известиях“, 5 марта, находим телеграмму из Ростова, в которой сообщается, что в некоторых советах Шахтинского округа, особенно в Каменском и Константиновском районах целый ряд середняков был лишен избирательных прав и включен в списки кулацких хозяйств, подлежащих выделению и расселению. Имущество этих середняков конфисковано. В Тацинской и Белокалитвенской много бедняков и середняков исключено из колхозов. Кроме того, на блудало с полное отобрание при раскулачивании всего имущества, включая даже и мелкие домашние вещи. В Бол. Джалга, Ставроп. окр., учет и хранение всего кулацкого имущества не были совершенно налажены, в связи с чем вместо передачи этого имущества в общественные фонды происходила просто дележка его между участниками изъятия.

Телеграмма из Ростова от 2 марта, напечатанная в „Правде“ (3 марта), сообщает о том, что в некоторых местах северо-кавказского края при проведении раскулачивания местные органы допустили перегибы административных совпалок и прочих совкорпонионов в

отношении середняков. В некоторых сельсоветах Шахтинского округа, особенно в Каменском и Константиновском районах, в число кулацких хозяйств, подлежащих раскулачиванию, были включены и отдельные середняки. В Тагинском и Белокалитвенском районах были допущены повальные массовые обыски. Бедняцкие и середняцкие хозяйства исключались из колхозов, причислялись к кулацким и т. д.

В аракчеевских поселениях.

Коллективизация на Казачьих Землях.

Из напечатанных в „Правде“, 24 февраля, корреспонденций Берзона и Гаруса о коллективизации Кубани можно уяснить себе методы, при помощи которых в кубанскую станицу внедряется советское крепостное право.

До сплошной коллективизации Уманский юрт, пишет Берзон, состоял из 22 участков. Сейчас он разбит на 34 „стодворки“ по сто дворов (сюда входят и ближайšie хутора). В каждой стодворке создана хатка колхозника. Вся работа „стодворки“ сосредоточивается в хатке. Там созданы производственные и культурно-бытовые комиссии. Имеются также уполномоченные потребительской кооперации. Кроме того, при „стодворках“ сосредоточен „актив, выявившийся в процессе проведения последних кампаний“ — что в вольном переводе с берзоновского языка означает, что при „стодворках“ состоит некоторое количество лиц, проявивших себя особенно грабильскими наклонностями и лютой ненавистью по отношению к „кулакам“. Во главе „стодворок“ стоят два уполномоченных от правления колхоза. Во время полевых работ они в роли бригадиров следят за работой и выполнением нарядов. Их называют командирами стодворки. К каждой хатке (удивительно нежный народец эти коммунисты — не хата, а хатка, да еще какая! Прим. ред.) прикреплены станичные коммунисты и члены станичного совета. Для постановки культурной работы влиты члены профсоюз и комсомола.

Берзон находит, что „приближение органов власти к широкой массам всегда носило в основном характер административно-фискальный“. Стодворке, очевидно, суждено быть венцом этого административно-фискального (короче — тащи и не пушай. Прим. ред.) приближения власти к населению. Пресловутой бедноты и батрачества в стодворках, по словам Берзона, не замечено.

Состоящая при стодворке тяговая сила обрабатывает, как пишет Гарус, машинно-конную бригаду. Стодворка должна будет выполнить все полевые работы по обработке и уборке всех культур на прикрепленных к ней в порядке хозяйственного устройства земельных участков. Однако, это отнюдь не значит, что стодворка получит в свое распоряжение урожай с прикрепленных к ней участков.

Стодворка является постоянной рабочей бригадой, которая для выполнения работ может разбиваться на несколько рабочих групп и которая с постоянно закрепленной за ней машинно-кон-

ной бригадой обязана будет выполнить определенную часть производственного плана колхоза.

Уполномоченный стодворки самостоятельно организует труд — выход людской рабочей силы (короче — рабсилы, прим. ред.) на полевые работы и учет ее.

Воскресают прикачки крепостной эпохи! Уполномоченный дает ежедневные или же недельные письменные наряды каждому члену колхоза. Им же составляются контрольные цифры затрат трудодней на каждый двор, в соответствии с числом едоков в семье, давая преимущество в получении работы бедняцким дворам.

„Людская“ проблема, пишет из Хоперского округа корреспондент „Известий“, 10 марта, самая трудная в предстоящем колхозном строительстве. Колхозы сравнительно легко выделили кадр, правда, незначительный, низовых руководителей. Но все они жалуются на частые случаи недисциплинированности, непослушания среди рядовых колхозников.

То, что побуждало к работе при единоличном хозяйствовании, в значительной мере отпало, а новые стимулы еще не возникли.

Отмечается большое число случаев невыхода на работу. В одной экономии оказалось, что из 10 вызываемых на работу, в среднем выходит 3 человека. Корреспондент ехал в полном убеждении, что во всех колхозах огромный избыток рабочих рук — в действительности дело обстоит совершенно иначе: в иные дни в колхозах некого назначить на работу. В экономии „Филоново“, входящей в колхоз „Амо“, на учете 800 взрослых трудоспособных работников обоего пола. Но наряды несут в среднем лишь 200—250 человек. Остальные числятся больными, хотя здесь не свирепствует никакая эпидемия. Следовательно, имеется на лицо симуляция болезни — и то массовая симуляция: притворно сказывается больными от 67 до 80 процентов колхозных работников.

Два обстоятельства в настоящее время действуют отрицательно на уровень трудовой дисциплины в обработанных колхозах Хоперского округа. Первое — заработная плата колхозникам пока не выдается, так как колхозы чрезвычайно стеснены в средствах. Доход от урожая прошлого года попал в карман каждого колхозника в отдельности. Второе — колхозы сразу перешли на устав коммуны, в некоторых обобществлено даже питание. Притворщики рассуждают в коммуне так: платить все равно не платят, а паек все равно дадут.

Эти сведения можно дополнить хотя бы напечатанной в „Известиях“, 8 марта, телеграммой из Ростова: „Смотр колхозов показывает, что организация труда во многих коллективных хозяйствах еще не проведена. В колхозах Каменского района рабочие планы еще не составлены, колхозники наряда еще не получают. В колхозе им. Сталина (Терский окр.), рабочая сила еще не организована. Бригадир не знает, где они будут работать. Поля не разбиты на участки.“

В колхозе „Волна Революции“, в том же округе, слаба дисциплина. Уход за скотом скверный.

Розыски.

И. И. Безуглов розыскивает своего брата Г. С. Королькова, каз. ст. Константиновской хут. Павлова, находящегося во Франции в группе джигитов есаула Юркова.

Сообщить по адресу: Tchecoslovaquie, Bratislava, Miletičova 20. I. Bezuglovu.

Знающие местопребывание Георгия Фед. Карагичева, ст. Есауловской, находившегося в последнее время в Болгарии, просят сообщить Г. Алферову, Tomaševac, Banat, Jugoslavija.

„КАВКАЗСКИЙ КАЗАК“

ежемесячная информация в 16 печ. страниц о жизни казачества

Подписка открыта с 1-го июня 1929 г.

Югославия Болгария Чехослов. Франц. и др.

На 1 год . . . 30 дин. 75 лева 20 крон 15 фр.

На 6 мес . . . 15 дин. 40 лева 10 крон 10 фр.

Цена отдельного номера в продаже — 3 динара.

Адрес Редакции: Београд, Неманьина ул. бр. 26.

Вышел и поступил в продажу

Календарь-Альманах

„Вольного Казачества—Вильного Козацтва“

на 1930 год

Цена Календаря-Альманаха (с пересылкой): в Ч. С. Р. — 15 корон, во Франции — 15 франков, в Польше — 5 злотых, в Югославии — 30 динар, в Болгарии — 50 лева, в др. странах $1\frac{1}{2}$ ам. долл.

Каждый казак должен иметь казачий календарь на 1930 год.

Библиотека „Вольного Казачества — Вильного Козацтва“.

После 1-го апреля поступит в продажу книга

Ис. Ф. Быкадорова

История Казачества

Кн. I: Происхождение Казачества. Возникновение республик Вольного Казачества — Донского, Волжского, Яицкого и Терского Войск. Основные черты их бытия в период государственной независимости (1549—1671 г.).

Обращаться по адресу редакции „В. К.“: Praha XII, Radhoštská, 9.

Цена 20 корон ч.-сл. (0.60 ам. долл.).

Открыта подписка на 1930 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВИЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	25 фр.	40 фр.
В других странах	$1\frac{1}{2}$ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Radhoštská, 9. Tchécoslovaquie.

Подписную плату посылать только по адресу редакции.